

Михаил РОДИОНОВ

Сергей СЕРЕБРОВ

ПЕРСПЕКТИВЫ ЙЕМЕНСКОГО КРИЗИСА И ЕГО КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ В ХАДРАМАУТЕ

DOI: 10.31696/2542-1530-2021-5-120-191

Ход почти шестилетней войны с участием Арабской коалиции в Йемене разрушил миф о суннитско-шиитской природе этого кризиса: мозаичная конфигурация зоны конфликта формируется под влиянием политических и геополитических противоречий вовлеченных локальных и иностранных акторов, преследующих противоположные цели. В статье представлена конфигурация основных центров политического влияния в зоне конфликта и роль используемых ими образов культурной идентичности в мобилизации сторонников. Рассмотрена история соперничества между коренными и заимствованными исламскими идеологиями, а также механизмы формирования «неотрадиционных» течений, декларирующих защиту автохтонных традиций. Особое внимание уделено специфике крупных йеменских участников конфликта, использующих исламскую идеологию, в том числе партии Ислах и хуситского движения Ансаурлла, а также других акторов, чьи конфессиональные мотивы не столь явны. В завершающем разделе о Хадрамауте дана характеристика его традиционного социокультурного комплекса в исторической ретроспективе и показана специфика влияния на него военного конфликта в транснациональном исламском контексте. Одной из задач статьи является выявление потенциала конфессиональных и социокультурных аспектов конфликта для его урегулирования.

Ключевые слова: Йемен, Южная Аравия, Хадрамаут, конфликт идентичностей, конфессиональные факторы.

СТРУКТУРА И ДИНАМИКА ВОЕННОГО КОНФЛИКТА В ЙЕМЕНЕ

Военный конфликт в Йемене начался в марте 2015 г. вторжением Арабской коалицией (АК) во главе с КСА для возвращения к власти временного президента Абд Раббо Мансура Хади, переехавшего в Эр-Рияд. К началу 2021 г. зона конфликта распалась на устойчивые конкурирующие центры политического влияния (ЦПВ) со своими административными и силовыми структурами.

Мировое сообщество признает президента Хади единственным законным главой йеменского государства. В органы власти международно-признанного президента (МПП), базирующиеся в Эр-Рияде, вошло руководство большинства йеменских партий оппозиционного блока Муштарак (кроме зейдитской партии ал-Хакк), в т.ч. партия исламистского толка Ислах, а также фракции Всеобщего народного конгресса (ВНК), отколовшиеся от председателя партии, бывшего президента страны Али Абдаллы Салеха (ум. 2017), оставшегося в Сане. Неформальный лидер военного крыла партии Ислах – генерал Али Мохсин Салех ал-Ахмар в 2016 г. получил посты заместителя главкома Йемена¹ и вице-президента² в составе МПП. Расположение штаб-квартиры МПП за пределами Йемена сделало этот важный ЦПВ отчасти экстерриториальным актором по отношению к другим центрам йеменского конфликта.

Рядовые члены некогда влиятельных на Севере партий, чьи лидеры покинули Йемен, либо перешли на сторону непризнанного режима Саны, воюющего против АК, либо примкнули к разным локальным группировкам на спорных территориях. Интенсивные бомбардировки авиацией АК контролируемых Саной территорий с первых часов операции «Буря

¹ Yemeni president appoints general to senior army post // *Reuters*, 22.02.2016. URL: <https://www.reuters.com/article/us-yemen-security-idUSKCN0VV29Q>.

² Yemeni president sacks prime minister, appoints new senior team // *Reuters*, 03.04.2016. URL: <https://www.reuters.com/article/us-yemen-security-idUSKCN0X00UC>.

решимости» разрушили инфраструктуру страны, вызвали массовые потоки вынужденных переселенцев и развитие беспрецедентной гуманитарной катастрофы в зоне конфликта. Абсентеизм многих признанных политических лидеров партий повлек эрозию сложившейся до войны политической системы и современных гражданских институтов общества, усиливая роль и влияние традиционных факторов социальной интеграции – трайбализма, регионализма и религии.

Ситуация на лояльном АК Юге (территории бывшей НДРЙ) развивалась не менее драматично, чем непосредственно в зоне боевых действий АК. Выбор этой частью страны лагеря АК был, по сути, выбором доминировавшего здесь движения Хирак, с 2009 г. ведшего борьбу за признание права народа Юга на самоопределение и восстановление государства в границах НДРЙ. Это требование разделяют все фракции движения, т.к. гражданская война 1994 г. между Севером и Югом по их мнению привела к утрате юридической силы соглашений о добровольном объединении ЙАР и НДРЙ, состоявшегося в мае 1990 г. Термин «сепаратизм» с точки зрения вождей Хирака, неверно отражает их цель, поскольку в данном случае речь должна идти о восстановлении суверенного статуса одного субъекта международного права на момент заключения соглашения, нарушенного другим равноправным субъектом, т.е. о восстановлении статус-кво (*факк-ал-иртибат*).

Военный конфликт для некоторых фракций Хирака стал шансом обмена своей лояльностью могущественной АК в составе КСА и ОАЭ на их содействие международному признанию своего требования. У Хирака нет единого руководства и программы. Поэтому не все фракции движения заняли одинаковую позицию в данном вопросе. Например, лидер одной из фракций, бывший президент НДРЙ Али Насер Мухаммад, проживающий за пределами Йемена, выразил обеспокоенность началом войны и последовательно ведет агитацию за ее скорейшее прекращение¹. В составе Хирака остаются

¹ Former Yemen president calls for political dialogue to end war // *Reuters*, April 24, 2015. URL: www.reuters.com/article/us-yemen-security-saleh/former-yemen-

фракции, отвергающие всякую возможность сотрудничества с МПП, воплощающим для них враждебный «оккупационный режим» Саны. В 2012 г. таковые составляли большинство, призвав южан бойкотировать выборы временного президента Хади, а в 2013 г. отказались от участия в работе инклюзивного Национального диалога (НД), ключевого мероприятия международного мирного транзитного плана ООН в Йемене, именуемого часто «Инициативой» (2011–2015), из-за вычеркивания его кураторами из повестки вопроса о самоопределении Юга. Но не все фракции уже тогда разделяли лозунг скорейшего отделения Юга от Севера. Фракция Али Насера, например, выступает за двухэтапное решение «южного вопроса»: сначала преобразование Йемена в федеративное государство из двух субъектов – Юга и Севера в границах 1990 г., а через пять лет, – проведение референдума среди южан для окончательного решения вопроса о его дальнейшем политическом статусе [Серебров 2014, 7].

Военное вмешательство АК лишь ослабило отчуждение Хирака от МПП, но не устранило глубоких противоречий между ними. Официальный курс МПП на сохранение целостности Йемена и преобразование страны в федерацию из шести штатов – *иклимов*, был категорически отвергнут всеми влиятельными фракциями Хирака, т.к. предусмотренный им раздел Юга на два субъекта – Аден и Хадрамаут, лишал Юг искомых суверенных прав на решение своей судьбы [Серебров 2014, 17].

Следовательно, для политических элит Юга характер военного конфликта в Йемене с самого начала не соответствовал тому представлению о гражданской войне между МПП и «хуситами», на котором строилось военное вмешательство АК. Для них проблема отношений «Север-Юг» остается абсолютным приоритетом, а главной целью выступает признание «южного вопроса» в качестве неотъемлемой части урегулирования йеменского кризиса.

Отношение южан к конфликту не позволило командованию АК привлечь их к участию в войне с «хуситами» (как

president-calls-for-political-dialogue-to-end-war-idUSKBN0NF1XP20150424.

обычно именуют СМИ вооруженные силы и группировки, лояльные Сане) севернее исторических границ НДРЙ. Ситуация изменилась только после того, как второй участник военной кампании – ОАЭ, поддержал в 2017 г. учреждение в Адене Южного переходного совета (ЮПС)¹ во главе с генералом Айдарусом аз-Зубейди, официально добивавшегося вывода Юга из состава Йемена. Последующее участие сил «южного сопротивления» (*ал-мукавама ал-джанубийа*) в войне на Севере осуществлялось в режиме упомянутой выше формулы «лояльность в обмен на признание», но его оборотной стороной оказалась утрата командованием АК единства военного управления своими силами, т. к. КСА и МПП осудили ЮПС за «сепаратизм». Внутри АК возникло два разнонаправленных и соперничающих друг с другом фланга во главе с КСА и ОАЭ. Появление сил южного сопротивления в начале 2017 г. на красноморском участке фронта в районе стратегического международного пролива Баб-эль-Мандеб не означало их полноценного вхождения в состав сил АК, так как они признавали только эмиратский штаб и не подчинялись саудовскому командованию, к которому относится штаб МПП.

В июле 2019 г. ОАЭ сообщили о сворачивании своего участия в военной фазе операции в Йемене и переключении на политическое урегулирование конфликта² с передачей в распоряжение ЮПС, подготовленных ими за годы войны южнотименских военизированных структур в количестве 90 тыс. человек³. Но снижение уровня прямого военного участия ОАЭ в Йемене не ослабило геополитического соперничества между флангами внутри АК. В августе 2019 г. разногласия между ними вылились в открытую военную конфронтацию на лишенном хуситского присутствия Юге меж-

¹ Aden's Historic Statement // Stcaden.com, Aden, 04.05.2017. URL: <https://en.stcaden.com/news/7815>

² AP Explains: How Emirates troop drawdown impacts Yemen's war/ by A. Batrawy, S. Magdy//AP news, July 25, 2019. URL: <https://apnews.com/article/52fdffd37cfd4d698c56878378ced692>.

³ El Yaakoubi A. UAE troop drawdown in Yemen was agreed with Saudi Arabia: official // Reuters, 08.07.2019. URL: www.reuters.com/article/us-yemen-security-emirates-idUSKCN1U31WZ.

ду вооруженными структурами МПП и ЮПС, закончившуюся захватом Адена силами ЮПС и изгнанием оттуда всех военных и административных структур, лояльных КСА и МПП. Борьба за Аден сопровождалась обвинениями МПП в обслуживании интересов партии Ислах¹, враждебных Югу. Ее называли «йеменским филиалом» организации Братья-мусульмане (БМ)², пособником террористических группировок Ал-Каиды аравийского полуострова (АКАП)³ и Исламского государства (ИГ, или Даиш)⁴, активно действующих на Юге [Hamdani, Lackner 2020, 12].

Все последующие меры по примирению флангов АК, включая подписанное в ноябре 2019 г. Риядское соглашение, пытались вернуть МПП в Аден⁵, но весь 2020 г. военная напряженность между ними не затихала. Стороны по-прежнему занимают противоположные позиции по таким принципиальным вопросам как единство Йемена и роль партии Ислах в структурах МПП. Только 18 декабря 2020 г. был опубликован указ президента Хади о формировании смешанного правительства в количестве 24 членов во главе с прежним премьером Маином Абд ал-Маликом, в котором представители Севера и Юга разделили поровну министерские портфели, в т. ч. пять досталось представителям ЮПС. Однако, отношение к новому кабинету на Юге не вызывает особого оптимизма, т. к. механизм объединения силовых структур под единое командование под эгидой КСА нарушает принцип суверенитета Йемена. Прилет членов нового кабинета из Эр-Рияда в Аден 30 декабря 2020 г. сопровождался трехкратными реак-

¹ Бин Брейк йд'у ал-мукавама ал-джанубийя ли-л-нафир ал-'ам. Байан ракм вахид. [Бин-Брейк призывает силы Южного сопротивления ко всеобщей готовности] // Al-omana.net (Аден), 07.08. 2019. URL: <https://al-omana.net/m/details.php?id=95166>.

² Запрещена на территории РФ.

³ Запрещена на территории РФ.

⁴ Запрещена на территории РФ.

⁵ The Riyadh Agreement on Yemen: Arrangements and Chances of Success // Arab Center (Washington DC). 18.11.2019. URL: https://www.arabcenterdc.org/policy_analyses/the-riyadh-agreement-on-yemen-arrangements-and-chances-of-success.

тивными атаками на зал прилета международного аэропорта, в ходе которых ни один член правительства не пострадал, но были десятки убитых и раненых среди встречавших. Некоторые влиятельные фракции Хирака, конкурирующие с ЮПС, заранее объявили об отказе от признания этого правительства.

Военно-политическая ситуация на Севере, наоборот, характеризовалась последовательной консолидацией государственной власти с центром в исторической столице Йемена – Сане. На Севере проживает около 3/4 населения Йемена (более 22 млн человек), и к концу 2020 г. под контролем Санского альянса (СА) находилось около 90% территории Севера¹. Кроме хуситского движения Ансарулла в него входил лидер бывшей партии власти ВНК, экс-президент Салех, правивший страной 33 года. В конце июля 2016 г. стороны альянса договорились опираться на действующую конституцию Йемена, что облегчило им легитимацию своего режима среди населения этой части страны². В считанные месяцы им удалось восстановить и наладить работу всех институтов власти республики. 13 августа 2016 г. в Сане возобновил регулярную работу парламент (*маджлис ан-навваб*)³ с участием около 2/3 избранных на последних, состоявшихся еще в 2003 г. выборах, депутатов во главе с его прежним спикером, заместителем председателя ВНК Яхьей Али ар-Ра'и. Остальная часть парламентариев покинула страну еще в начале войны, но МПП удалось собрать их на первое пленарное заседание, проходившее в Сейуне, административном центре Внутреннего Хадрамаута⁴, значительно позже – лишь в апреле 2019 г.

¹ Рассчитано по: Yemen Control Map & Report, October 31, 2020 // Political Geography Now. URL: <https://www.polgeonow.com>.

² The political agreement between GPC and Ansarullah // Almotamar.net (Sanaa), 28.07.2016. URL: <https://almotamar.net/en/documents/9747.doc>.

³ Последние выборы в парламент состоялись в 2003 г., общее число депутатов в палате представителей – 301.

⁴ Первая сессия этой фракции проходила под усиленной охраной саудовской армии в административной столице внутреннего Хадрамаута – Сейуне, но регулярной работы этой части парламента организовать не удалось.

Принцип паритетного участия Ансарулла и ВНК во всех высших исполнительных органах власти непризнанного режима не дает оснований считать его только «хуситским», как это делают СМИ. Во главе Высшего политического совета (ВПС) республики из 10-и членов стоит хусит – Махди Машат, но посты премьер-министра и спикера парламента занимают представители ВНК. Участие Салеха в этом совместном проекте имело решающее значение, поскольку бывший президент даже после отставки в 2012 г. удерживал в своих руках рычаги власти над сохранившимся костяком бюрократии, а также львиной долей армии и служб безопасности. Тенденциозное принижение роли ВНК в СА можно объяснить лишь стремлением сохранить пропагандистский конструкт, созданный для оправдания внешнего военного вмешательства в Йемен, основанный на тезисе о приписываемых хуситам иранской и шиитской угрозам для соседнего государства. Равноправное участие в СА бывшего президента Салеха, которого США с 2001 по 2011 г. признавали своим важным стратегическим региональным партнером, бросало тень сомнения на эту аргументацию.

За годы войны прямых убедительных доказательств о значимой причастности Ирана к деятельности хуситов или иных йеменских акторов получить не удалось. Салех, часто вступающий в коллизии со своим новым партнером по власти, неоднократно эмоционально и решительно отвергал подобные обвинения: «Нет у нас тут Ирана! Это у вас (КСА. – *Прим. авт.*) есть счета с Ираном и общие морские границы! Обвинения в наш адрес, будто Йемен сдружился с Ираном – беспочвенны! Иран – исламское государство и вы должны вести с ним диалог сами! Нечего сводить с ним счета в Йемене!»¹

Власти Саны сотрудничают с миссией постоянного представителя Генсека ООН в Йемене и другими международными

¹ Аз-за'им Салех йушиду ал-маукиф ал-ватаний ли-л-барламан уа йамалу ан талка да'ватуху ли-л-мусалахат ат-таджавуб [Вождь Салех хвалит патристическую позицию парламента и надеется, что его призыв к примирению получит ответ] // Almethaq.net (Санаа), 20.07.2017. URL: <http://www.almethaq.net/news/news-51036.htm>.

ми организациями, установили дипломатические отношения с Ираном и Сирией. В заявлении от 30 ноября 2020 г. по случаю 53-й годовщины освобождения Юга от британского колониализма председатель ВПС Махди ал-Машат заявил, что Сана «настойчиво добивается справедливого и реалистичного мира, включая прекращение агрессии, снятие блокады, упорядочение банковской системы, погашение задолженности по зарплатам и освобождение всех военнопленных. Мир должен обеспечивать Йемену свободу принятия решений, дать гарантию безопасности, стабильности, территориальной целостности и права на строительство гражданского суверенного государства, основанного на справедливости»¹. Касаясь миссии спецпредставителя ООН в Йемене Мартина Гриффитса, лидер СА выразил «готовность оказывать поддержку его усилиям и продемонстрировать открытость для любых мер, ведущих к прекращению агрессивной войны и исправлению ее последствий в целях восстановления добрых отношений с соседними странами»².

Появление на сцене СА само по себе представляет необычный политический феномен, в котором кроме результата откровенного внешнего давления, не оставившего участникам выбора, проявилось немало и черт традиционной йеменской политической культуры. Его участники сумели перешагнуть через разделявшую их громадную пропасть вражды после серии кровавых войн и личных счетов, отдав приоритет высшим, в их понимании, интересам страны. С 2004 по 2010 г. президент Салех вел разрушительную войну против хуситов, оставившую зейдитскую провинцию Саада на севере Йемена в состоянии гуманитарной катастрофы, причем еще в начале той войны был убит основатель движения, сейид Хусейн Бадруддин ал-Хуси – старший брат действующего лидера

¹ Ар-раис машат фи аз-зикра ал-истиклал йуджадиду тамассук ал-йаман би-с-салам ал-'адил ва вакф ал-'удван ва раф'а ал-хисар [Президент ал-Машат по случаю годовщины дня независимости вновь подтверждает приверженность Йемена к справедливому миру и снятию блокады] // Ал-масира, 29.11.2020. URL: <https://www.almasirah.net/post/173943>.

² Ibid.

Ансарулла, сейида Абд ал-Малика ал-Хуси. Хуситы одними из первых объявили о своей поддержке йеменской революции 2011 г., требовавшей отставки Салеха и реформы политической системы страны, претендуя даже на роль ее авангарда. Их постепенное сближение происходило на фоне обоюдного категорического неприятия партии Ислах в роли главного претендента на власть, когда в мае 2011 г. лояльные ей вооруженные племенные ополчения пытались силой захватить Сану. Традиционная поддержка Ислаху со стороны Саудовской Аравии, получившая новые подтверждения в ходе военной операции АК, только способствовала консолидации необычного альянса.

СА доказал свою устойчивость, выдержав последствия неудавшейся партизанской попытки лидера ВНК пожертвовать своим партнерством в обмен на немедленное прекращение войны со стороны командования АК. «Публичная оферта» Салеха к странам АК с этим предложением, сделанная в форме открытого радиобращения 2 декабря 2017 г.¹ вызвала скоротечную военную операцию спецслужб, повлекшую гибель экс-президента 4 декабря. Не дождавшись никаких признаков перемирия со стороны АК, секретариат ВНК приняло решение избрать новым лидером первого заместителя председателя партии шейха Садыка Амина Абу Рас и продолжить членство в СА, отвергнув всякую возможность капитуляции перед АК, как и требовал от своих последователей сам погибший лидер². Исключение капитуляции из вариантов урегулирования кризиса остается ведущим мотивом совместной работы участников непризнанного режима Саны.

Представленные выше три ЦПВ – МПП, ЮПС и СА – не исчерпывают список влиятельных йеменских акторов, к которым также можно отнести некоторые локальные ЦПВ и племена, но в этих трех можно обнаружить образы

¹ Yemen's Saleh says ready for 'new page' with Saudi-led coalition // *Reuters*, 02.12.2017. URL: www.reuters.com/article/us-yemen-security-idUSKBN1DW08P.

² Абу Рас йарасу иджтимаан ли-кутлат ал-барламанийя ли-л-мутамар (Абу Рас председательствует на собрании парламентской группы Конгресса) // *Ал-Мутамар*, 31.01.2018. URL: www.almotamar.net/pda/141135.htm

культурных идентичностей, максимально отражающие конфигурацию сцены конфликта.

Роль «мягкой силы» в урегулировании конфликта

Война поставила 24 млн йеменцев (более 80% всего населения) в зависимость от иностранной гуманитарной помощи. С первого года йеменский конфликт был признан ООН очагом самой масштабной гуманитарной катастрофы на планете¹. Было утрачено более 40% ВВП².

В 2020 г. из-за глобальной пандемии международным гуманитарным организациям ООН удалось собрать только 1,3 млрд долл. в йеменский фонд помощи, что почти втрое меньше уровня предыдущего года³. Несмотря на это конфликт не удается погасить. Надежды, что смена администраций в Вашингтоне на президента Дж. Байдена приведет к прекращению поставок американских вооружений странам Залива, новым мировым рекордсменам по военным закупкам, не вселяют уверенности из-за сложной геополитической обстановки в регионе. Источник импульса к прекращению войны в Йемене приходится искать среди акторов конфликта и прежде всего, его главных жертв – йеменцев.

Некоторые неправительственные организации стран Евросоюза за годы войны неоднократно предпринимали попытки консолидации разных йеменских групп для подготовки диалога, используя «второй трек» дипломатии [Hamdani, Lackner 2020, 8–9]. Они заканчивались безрезультатно, как и другие миротворческие миссии. Трудно отрицать

¹ A year on from Yemen talks breakthrough, top UN Envoy hails 'shift' towards peace, despite setbacks // News UN, Dec. 2019. URL: <https://news.un.org/en/story/2019/12/1053431>.

² Cordesman, Anthony H. The War in Yemen: Hard Choices in a Hard War // Center for Strategic and International Studies (CSIS). 09.05.2017 URL: <http://www.jstor.com/stable/resrep23274>. 10 p.

³ Deadly Consequences: Obstruction of Aid in Yemen During Covid-19 // HRW, 14.09.2020. URL: <https://www.hrw.org/report/2020/09/14/deadly-consequences/obstruction-aid-yemen-during-covid-19>; Yemen: Fighting, funding, and food // The New Humanitarian, 07.10.2020. URL: www.thenewhumanitarian.org/analysis/2020/10/07/Yemen-humanitarian-crisis-funding-fuel-famine.

роль направленного вмешательства иностранных акторов, заинтересованных в запрограммированных результатах, но главным препятствием служит, по нашему мнению, несоответствие основополагающих положений принятой в официальных международных кругах концепции кризиса реальным проблемам и процессам в зоне конфликта. К необходимости обновления этой концепции склоняется также и все больше наших европейских коллег. Например, в докладе международной группы аналитиков ICG, вышедшем в июле 2020 г. авторы констатировали, что «Прямая военная победа какой-либо одной стороны, включая «хуситов», чрезвычайно маловероятна»¹.

Провал кувейтских переговоров в начале августа 2016 г.² был обусловлен несоответствием разработанной йеменскими участниками переговоров поэтапной схемы урегулирования установкам Резолюции СБ ООН 2216 (апрель 2015 г.), подготовленной ведущей йеменское досье в СБ ООН Англией. Любой политический компромисс с учетом интересов «хуситов» считался неприемлемым, хотя большинство экспертов понимает, что исключить их из процесса невозможно. Сценарий капитуляции хуситов, заложенный разработчиками этой резолюции в основу сценария урегулирования для возвращения МПП в Сану³ окончательно утратил связь с реали-

¹ Rethinking Peace in Yemen // Crisis Group Report № 216. Middle East and North Africa, 02.07.2020. URL: <https://www.crisisgroup.org/middle-east-north-africa/gulf-and-arabian-peninsula/yemen/216-rethinking-peace-yemen>.

² Yemen government leaves Kuwait talks after Houthis reject U.N. plan // Reuters, 01.08/2016. URL: <https://www.reuters.com/article/us-yemen-security-talks-idUSKCN10C2JT>.

³ При голосовании представитель Россия воздержалась, указав на несоответствия реальной ситуации в стране заложенным в резолюцию положениям. см.: Security Council 14 April 2015. SC/11859 – Security Council Demands End to Yemen Violence, Adopting Resolution 2216 (2015), with Russian Federation Abstaining. URL: <https://www.un.org/press/en/2015/sc11859.doc.htm>. В тексте Резолюции, принятой после несанкционированного начала военной кампании под командованием АК содержится требование к хуситам «а) прекратить использовать насилие; б) вывели свои силы из всех районов, которые были захвачены ими, в том числе из столицы – Сану; в) сложить все дополнительное оружие, захваченное у воинских подразделений и органов безо-

ями после присоединения к Ансарулла ВНК. Созданные этой концепцией трудности не позволили действующему эмиссару ООН в Йемене, британцу Мартину Гриффитсу¹ достичь существенного улучшения ситуации в зоне конфликта, как ранее – и его предшественнику, мавританскому дипломату Исмаилу ульд Шейх Ахмеду. Все второе полугодие 2020 г., например специальный посланник ООН занимался продвижением Совместной декларации, чтобы наступление сил СА в Марибе, где расположен военный штаб и главный военный плацдарм МПП, не привело к развитию там нового очага массовой гуманитарной катастрофы². Гриффитс был вынужден констатировать, что ситуация в районе порта Ходейда остается опасной, а достигнутые при его посредничестве в декабре 2018 г. стокгольмские соглашения (декабрь 2018 г.) работают плохо, хотя через осажденный силами АК порт Ходейда, остающийся в руках СА, должно поступать ок. 80% гуманитарной помощи для спасения жизней миллионов йеменцев³. В 2020 г. возникла новая угроза крупнейшей региональной экологической катастрофы в связи с возможной утечкой более миллиона баррелей нефтепродуктов в воды Красного моря из пришедшего в негодность плавучего хранилища «Сафер» в акватории Ходейды⁴.

Отрыв реальных процессов в зоне конфликта от параметров этой резолюции и окружающих конфликт пропа-

пасности, включая ракетные системы; d) прекратить все действия, которые относятся исключительно к сфере полномочий законного правительства Йемена» См. Резолюция 2216 (2015), 14.04.2015. С.3/8. URL:// [www.undocs.org/ru/S/RES/2216%20\(2015\)](http://www.undocs.org/ru/S/RES/2216%20(2015))

¹ Martin Griffiths Special Envoy //United Nations Secretary-General. 16/02/2018. URL: [//www.un.org/sg/en/content/profiles/martin-griffiths](http://www.un.org/sg/en/content/profiles/martin-griffiths)

² Concerns and hopes of Yemenis at heart of UN plans for better future // UN News, 15.07.2020. URL: <https://news.un.org/en/story/2020/07/1068431>.

³ A year after the Stockholm Agreement: Where are we now? // UN Political and Peacebuilding Affairs. Dec. 2019. URL: <https://osesgy.unmissions.org/year-after-stockholm-agreement>.

⁴ Letter dated 18 August 2020 from the Secretary-General addressed to the President of the Security Council.18.08. 2020, S/2020/808. URL: https://www.securitycouncilreport.org/atf/cf/%7B65BFCF9B-6D27-4E9C-8CD3-CF6E4FF96FF9%7D/S_2020_808.pdf.

гандистских стереотипов влечет появление суррогатных концепций для объяснения событий, в корне противоречащих их основополагающим тезисам таким как, гражданская война во главе с МПП против хуситов или иранское вмешательство. Например, формирование очага конфликта внутри лагеря АК с участием лояльных ей МПП и ЮПС на всем свободном от хуситов пространстве Юга, заставил некоторых серьезных аналитиков придумывать концепцию «второй войны» в Йемене¹, хотя хорошо известно, что именно «южный вопрос» собственно и составлял сердцевину йеменского кризиса, и что его не удалось полноценно разрешить в ходе НД. В указанной резолюции этой проблеме вовсе не нашлось места. Разными акторами по ходу войны периодически предпринимались политически мотивированные попытки включения хуситов в список международных террористических организаций, что только повысило бы гуманитарные и иные риски, а главное – затруднило бы корректировку концепции и нахождение кратчайших путей к мирному урегулированию кризиса. 10 января 2021 г. подобная инициатива была озвучена, например, госсекретарем бывшей администрации президента Трампа Майком Помпео².

Полагаем, что в новой концепции урегулирования кризиса следует уделить больше внимания социокультурным и конфессиональным аспектам конфликта, вопросам скорейшего восстановления суверенитета и государственности страны.

Сделанный стержневым тезис о вхождении хуситов в шиитскую ось во главе с Тегераном против суннитов, породил расхожее представление будто суннито-шиитские противоречия и лежали у истоков гражданской войны в Йемене. К сожалению, этот надуманный аргумент продолжает звучать

¹ Preventing a Civil War within a Civil War in Yemen // Crisis Group. 09.08.2019. URL://www.crisisgroup.org/middle-east-north-africa/gulf-and-arabian-peninsula/yemen/preventing-civil-war-within-civil-war-yemen

² U.S. plans to designate Yemen's Houthi movement as foreign terrorist group // Reuters 11.01.2021 URL://www.reuters.com/article/us-yemen-security-usa/us-plans-to-designate-yemens-houthi-movement-as-foreign-terror-group-idUSKBN29F0P5

чуть ли не как главный повод для оправдания продолжения войны, хотя, по мнению авторов, он изначально был не чем иным, как образцом нехитрого политического инжиниринга и пропагандистским элементом гибридной войны.

В колониальную эпоху Йемен заслужил у обеих соперничавших на его территории колониальных империй – Османской и Британской славу «крепкого орешка», мало поддающегося внешним манипуляциям. Сплав этнокультурного и религиозного субстратов в национальном характере йеменцев накладывает глубокую печать на политику всех ЦПВ, заставляя их прибегать к разным формулам над(локальной) культурной идентичности (южноаравийской, йеменской, мусульманской и др.), чтобы добиться доминирования над соперниками, используя конфессиональное многообразие страны. Культура является в данном случае не просто «мягкой силой», а областью, где генерируются конфликты идентичностей, определяющие динамику балансов сил.

В обеих зонах конфликта – на Севере и на Юге религиозные аспекты культуры стали неотъемлемой частью борьбы за первенство в создании образов исконной локальной культурной идентичности, которыми не следует жертвовать ни при каких обстоятельствах, поскольку это приведет к утрате национального стержня, к подчинению чужой воле, порабощению и оккупации. На помощь укорененным религиозным идеологиям приходят новые, так называемые неотрадиционные исламские течения, ориентированные конкретно на спасение почвенных культурных традиций в качестве этнокультурного ядра йеменской идентичности.

Новые идеологии принимают активное участие в политической борьбе, эффективно выравнивая балансы в противоборстве с заведомо превосходящими их по материальным и пропагандистским возможностям противниками. Для них характерна усиленная апелляция к этнокультурному сознанию йеменцев, историческим заслугам страны перед арабомусульманской цивилизацией, придание транснационального смысла локальным событиям через увязывание текущей проблематики кризиса с глобальными вызовами, с которыми

сталкиваются все мусульманские народы. Их призыв приравнивает текущие испытания древнего народа к борьбе, от которой зависит эсхатологический результат земного пути всех «свободных йеменцев» (*ахрар*), переводя выпавшие страдания в укорененный в местной культурной традиции язык чести. В качестве примеров таких неотрадиционных течений можно привести хусизм, выросший из йеменского зейдизма – на Севере, и зачатки аналогичного явления, формирующегося в Хадрамауте – на суннитском Юге.

ЙЕМЕНСКАЯ СПЕЦИФИКА: ТРАНСФОРМАЦИЯ КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ФАКТОРОВ В КОНКУРИРУЮЩИЕ ОБРАЗЫ КУЛЬТУРНЫХ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ

МПП: смена ролей и проблема двойственности образа идентичности

На укрепление статуса МПП направлены усилия ООН и многих иностранных акторов, включая лидера АК – КСА. Однако, мощная внешняя поддержка не избавила МПП от роста конкуренции со стороны других, внутренних ЦПВ, завладевших инициативой в большинстве районов страны. Создаваемый МПП образ идентичности строится на официальном международном признании законности временного главы государства Хади, а также на призыве к защите целостности государства от «мятежников», под которыми в 2015 г. понимались «хуситы», а с августа 2019 г. – также и южные «сепаратисты» в лице ЮПС¹, которые в декабре 2020 г. вновь номинально превратились в его партнера. Целевую аудиторию МПП формировали противники Санского режима и южнойеменского движения Хирак, что отчасти и объясняет его вынужденное пребывание на протяже-

¹ Yemen government says southern separatists staged coup in Aden // Reuters, 10.08. 2019. URL: www.reuters.com/article/us-yemen-security-aden-government/yemen-government-says-southern-separatists-staged-coup-in-aden-idUSKCN1V00KA.

нии всей войны в Эр-Рияде. Существенная часть затрат КСА на ведение кампании в Йемене, (ок. 6 млрд долларов в месяц¹) направлена на поддержание статуса и влияния этого ЦПВ. Оплата за рекрутирование десятков тысяч новобранцев в национальную армию Йемена в подчинении МПП стала одним из важных источников средств существования для йеменских семей. Однако, хронические задержки выплаты им довольствия приводили (и приводят) к деморализации таких солдат, превращенных в наемников, развитию среди них протестного движения и к сложностям поддержания их боеспособности.

Немаловажную роль в создании второго, параллельного образа МПП играла глубокая интеграция в его структуры партии Ислах. Все главные рычаги управления старыми и новыми силовыми структурами МПП оказались в руках генерала Али Мохсина. Одиозная для остальных йеменских ЦПВ фигура генерала лишила МПП той роли общенационального арбитра, которая была ему придана ООН в 2012 г. для реализации мирного транзитного плана и превратила его в их глазах в ангажированный центр, втянутый в политическое соперничество между другими ведущими йеменскими центрами силы на стороне одного из нежелательных для них претендентов. Факт международного признания не смог компенсировать той потери легитимности, которую МПП понес внутри страны по мере затягивания войны и нарастания гуманитарного коллапса. Негативное влияние на имидж власти оказывает также ее пребывание в стране, возглавляющей военную кампанию, в отрыве от своего несущего крупные людские и материальные потери народа.

ЮПС: образ «южной идентичности» и проблема фракционности

В основе идеологии южного движения Хирак лежит концепт «южной культурной идентичности», изложенный

¹ Riedel B. In Yemen, Iran outsmarts Saudi Arabia again // Brookings.edu, 06.12.2017. URL: www.brookings.edu/blog/markaz/2017/12/06/in-yemen-iran-outsmarts-saudi-arabia-again.

его делегацией на форуме НД, проходившем с марта 2013 по январь 2014 г. в Санае. Отвергнув унижительную трактовку положения Юга как ветви главного ствола «общейеменского древа» и подчеркивая самобытность и прогрессивность «южан» в противоположность отсталости, трайбализму и религиозной нетерпимости «северян», идеологи Хирака заявили отказ от дальнейшего использования этнонима «йеменцы» применительно к жителям Юга. Дальнейшее пребывание в составе Йемена, согласно этой концепции, обрекало южан на деградацию и недопустимую утрату всех прогрессивных завоеваний, достигнутых в эпоху НДРЙ дорогой ценой¹. Партия Ислах в этом же докладе выступала символом и квинтэссенцией всех перечисленных негативных черт образа «северной идентичности». В ходе гражданской войны 1994 г. некоторые религиозные лидеры Ислаха издали фетвы, оправдывавшие жестокость по отношению к южанам за их терпимость к атеистическим властям² в период правления социалистов в НДРЙ, а после войны они наводнили Юг исламистскими учителями и проповедниками, вселявшими ужас в местных жителей сеянием представлений об исламе, входивших в разительное противоречие с укорененными локальными нормами. Конструирование идеологами Хирака бинарной оппозиции между «южной» и «северной» идентичностями преследовало цель сплотить все население бывшей НДРЙ, независимо от социальных, политических, племенных, межрегиональных и религиозных различий.

Однако, на практике концепт «южной идентичности» оказался узким в т. ч. и для самого движения. Стремление

¹ Руйат ал-хирак ал-джанубий ли-джузур ал-кадыйат ал-джанубийа (Концепция южного Хирака о корнях «южного вопроса») // Мутамар ал-хивар ал-ватаний аш-шамил – ал-Йаман [Материалы Всеобщего национального диалога, Йемен], январь 2014. URL: ndc.ye/ar-issue.aspx?show.

² В фетве ректора Университета Иман и члена Высшего совета Ислах Абд ал-Ваххаба ал-Дайлами в мае 1994 г. на вопрос можно ли стрелять во врага, если на пути стоят женщины и дети, он постановил, что, когда речь идет о «силе зла», то, кто бы ни стоял, убивать можно. В октябре 1994 г. он занял пост Министра юстиции. См.: Human rights in Yemen during and after the 1994 war // HRW, Yemen, Oct. 1994. URL: www.hrw.org/reports/yemen94o.pdf. P. 8

разных фракций Хирака расширить его исторические рамки за пределы опыта НДРЙ, когда Южная Аравия, находясь в орбите Британской империи (1839–1967 гг.), оставалась в состоянии политической раздробленности, автоматически влекло и фрагментацию самого образа идентичности, а также эрозию самого главного мотива, вдохновлявшего на его создание Хасана Баума и других сторонников Йеменской социалистической партии (ЙСП) – идеала свободы и независимости, завоеванных южанами в упорной антиколониальной борьбе в 1967 г. Из инструмента консолидации всех южан, он стал инструментом пробуждения локальных идентичностей, привязанных к истории и культуре двух десятков княжеств, которые удалось впервые объединить лишь с обретением независимости от колониализма на волне арабского и южнотийменского национализмов революционными властями НДРЙ.

У истоков политической чересполосицы, возникшей еще в древности, чаще всего стояли межплеменные противоречия, что еще более затрудняет региональным фракциям Хирака признание чьего-либо первенства над собой. Межфракционное соперничество на почве регионализма не позволило движению ни создать объединенное руководство, ни принять единую политическую платформу сверх лозунга отделения Юга от Йемена в границах бывшей НДРЙ. Эта «ахиллесова пята» Хирака активно используется его недругами как в интересах защиты лозунга сохранения целостности Йемена, так и для дезинтеграции не только Йемена, но и самого Юга.

Один из заместителей председателя ЮПС – шейх Хани бин-Брейк проявил себя в качестве главного инициатора выдворения МПП из Адена в августе 2019 г. после того, как была установлена причастность партии Ислах к серии терактов во временной столице государства, в которых погиб один из популярных командиров ЮПС – Мунир ал-Яфи'и (Абу Йамама). Шейх Хани считается ведущим идеологом ЮПС с фундаментальным религиозным багажом, полученным от салафитских учителей квиетистского толка. Среди его учителей за период обучения, длившегося с начала 1990-х

до 2015 г. находились такие известные *алимы*, как шейх Мукбил ал-Вади'и (Даммадж, Саада), Рубей'а ал-Мадхали (Мекка), Мухаммад Абд ал-Ваххаб ал-Банна (Джидда), Мухаммад ал-Усеймин (ал-Кусейм), Мухаммад Иман ал-Джами, шейхи 'Абад и 'Убейд ал-Джабири, Мухаммад 'Ашик ал-Барни ал-Хинди (Медина) и др. Шейх Хани получил дипломы хафиза Корана, знатока хадисов и шариата. Перейдя к политической работе в 2015 г., он прекратил всякую религиозную деятельность, считая недопустимым их смешивание¹.

С этим, пользующимся доверием ОАЭ, лидером связан теневой имидж ЮПС как структуры, опирающейся на салафитскую общину Юга и мобилизующей ее на борьбу против «ихванизма» партии Ислах и против «иранских хуситов» одновременно. Проекция политического соперничества флангов АК на Юге на конфессиональную сферу, в данном случае сопровождалась противостоянием салафитских течений друг с другом и модификацией ранее созданного на иной идеологической закваске образа южной культурной идентичности. Попытка дозированной адаптации целей движения Хирак к запросам АК оказывает заметное обратное влияние на конфигурацию сил в зоне конфликта.

Санский альянс как пример воинствующего образа коренной йеменской культурной идентичности

Главным идеологом СА в условиях войны стал лидер хуситского движения Ансарулла – сейид Абд ал-Малик ал-Хуси. В своих выступлениях он пропагандирует образ исконной культурной идентичности йеменского народа, органически связанный с истинным, «первородным» исламом, получившим благословение от самого Пророка. Он часто цитировал хадис, гласящий, что: «Вера – в Йемене и мудрость – йеменская» (авторский перевод арабской фразы – *ал-иман йаман ва ал-хикма йаманийа*)². На его основе

¹ Из интервью шейха Хани бин-Брейка 22.10.2020 одному из авторов статьи.

² Шарх хадис ал-иман йаман ва ал-хикма йаманийа [Толкование хадиса: Вера – в Йемене и мудрость – йеменская]. URL: <https://islamqa.info/ar/answers/175077>.

сейид Хуси выстроил концепцию исконной правоверности йеменцев, которая возлагает на них особую ответственность за судьбу вероучения и одновременно выступает источником милости Всевышнего, укрепляющего их мужество и стойкость в отстаивании своей свободы и независимости от варварских и беспричинных агрессоров, действующих по указке враждебных исламу чужеродцев (под которыми как правило подразумеваются США и Израиль). Эта концепция приравнивает их борьбу к трансцендентной битве правоверных с супостатом (*тагут*), «рогом шайтана».

Категория «йеменский народ» звучит в его риторике не только в значении сердца исламской *уммы*, но и в роли ее спасителя от деградации и разложения, охватившего ее по вине неправедных правителей. Тех йеменцев, которые перешли на сторону врага, хуситы именуют «обманутыми» (*махду'ун*) и «лицемерами» (*мунафикун*), публично устраивая праздничные приемы вернувшимся в свой лагерь участникам кампании, воевавшим на стороне АК. Положительный для СА исход войны в его трактовке становится знаком победы всей исламской *уммы* и гарантией вывода ее из мрачной полосы раздоров и тирании.

В особую категорию непримиримых врагов ислама идеологи хусизма внесли также «такфиристов» – адептов «ложного ислама», применяющих метод такфира, т.е. объявления еретиками мусульман из других признанных *мазхабов*, особенно шиитов и суфиев. В речах сейида Хуси подчеркивается инструментальная роль такфиристов в руках внешних недругов для разобщения и разрушения исламской *уммы* изнутри. К ним же отнесены также все йеменские запрещенные международные террористические структуры, включая АКАП и ИГ, ликвидированные ими на всей подконтрольной территории.

Фигура духовного вождя движения Ансарулла, сейида Хуси, и в мирное время вызывавшая немало критики за спорные интерпретации зейдизма даже со стороны своих единоверцев, за годы войны превратилась в один из столпов непризнанного Санского режима с титулом «лидера йеменской

революции». По версии идеологов движения, йеменская революция, начатая молодежью в 2011 г., одержала победу 21 сентября 2014 г., в день, когда все руководство радикального крыла партии Ислах (включая генерала Али Мохсина, который командовал саадским фронтом и конфликтовал с хуситами в период революционного подъема) бежало в КСА. В 2020 г. празднование «Дня революции 21 сентября» собрало сотни тысяч людей для участия в уличных шествиях в городах, заслонив традиционно отмечаемую годовщину республиканской революции 26 сентября, свергнувшей монархию в 1962 г.

На контролируемых СА территориях, включая крупнейшие города страны – Сана, Ходейда, Ибб и часть Таиза, за время войны был введен обновленный «революционный» календарь государственных праздников и установлен особый ритуал чествования и поминовения героев революции и войны [Серебров 2019, 296–309]. Множество мемориалов с экспозициями фотографий погибших героев СА стали местом проведения своеобразных *зияр*, устраиваемых в период отмечания «Дня шахида», длящегося целый месяц в конце и начале каждого нового года войны.

Хусизм является ярким примером неотрадиционного течения в зейдизме как форма сопротивления сначала ваххабизму и карательным действиям властей, а затем и военной кампании АК, ставившей целью ликвидацию этого течения. Объявляя всю территорию Йемена за пределами контроля Саны «оккупированной», хуситские лидеры призывают все религиозные общины страны к единению на почве национальной солидарности, к диалогу, мирному решению внутренних проблем, обвиняя страны АК в посягательствах на суверенитет страны, которая не создавала им никаких угроз. В свою очередь, появилась и была усилена войной тенденция причислять хуситов к лагерю региональных соперников Саудовской Аравии, которых видели в лице Тегерана, Дамаска, Багдада, ливанском движении Хизбалла, создавших т.н. «Ось сопротивления». Эта тенденция вскоре обрела форму обвинения хусизма в его проиранской ориентации.

КОРЕННЫЕ ИСЛАМСКИЕ ТРАДИЦИИ ЙЕМЕНА: СУННИТО-ШИИТСКИЙ СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КОН- ТИНУУМ

У доминантных традиционных исламских общин Йемена – шафиитской и зейдитской – есть заметное доктринальное и религиозно-культурное сходство. Промежуточное положение зейдизма между шиизмом и суннизмом придало ему пронизывающую всю его историю в Йемене черту, подмеченную известным американским востоковедом Бернардом Хайкелем¹: «Зейдитский мазхаб, охватывает широкий диапазон учений – от бескомпромиссного шиизма до весьма близкого к суннитскому исламу. Первая группа доминировала до конца XVII в. Пример второго дают такие *алимы*, как Мухаммад б. Ибрахим ал-Вазир (XV в.), Салих б. Махди ал-Магбали (XVII в.) и Мухаммад б. Исмаил ал-Амир (XVIII в.)»². Шейх Мухаммад аш-Шаукани, творчество которого исследовал цитируемый автор, остается весьма почитаемым в богословской исламской среде как в Йемене, так и в других мусульманских странах теологом, известный своими трудами, в т. ч. многотомным комментарием к хадисам шейха Абу Бараката Мадждуддина (жившего в XIII в. деда Ибн Таймийи) «Найл ал-аутар фи шарх мунтага ал-ахбар» («Обретение сущего: толкование избранных сведений»). Споры о том остался ли шейх Шаукани зейдитом или стал реформатором салафитского толка, к чему склоняется автор исследования, продолжаются. Однако известно, что йеменский богослов критиковал нетерпимость своего старшего современника, шейха Мухаммада ибн Абд ал-Ваххаба (ум. 1792), основоположника ваххабизма, признанного в Саудовской Аравии доминант-

¹ Бернард Хайкель – профессор Принстонского университета, одна из его монографий посвящена деятельности знаменитого йеменского муджаддида начала XIX в. шейха Мухаммада аш-Шаукани (ум. 1834), служившего главным судьей при нескольких имамах.

² Haykel B. Book review: Revival and Reform in Islam: The Legacy of Muhammad al-Shawkani. URL: [https:// al-bab.com/book-review-revival-and-reform-islam-legacy-muhammad-al-shawkani](https://al-bab.com/book-review-revival-and-reform-islam-legacy-muhammad-al-shawkani).

ной версией ислама [Наукей 2003, 129], к другим признанным исламским школам.

Важным связующим звеном между традиционными общинами Йемена является признание ими семей *сада* (ед. ч. – *сейид*), потомков пророка Мухаммада через его дочь Фатиму и двоюродного брата имама Али ибн Абу Талиба) своей высшей духовной знатью [Родионов 1994, 21]. *Сада* специализировались на исламских науках, судопроизводстве, религиозных обрядах, посредничестве, концентрируя в своих руках политические рычаги влияния и духовной власти над городскими общинами и племенами. Во всех регионах Йемена семьи *сада* почитались высшей интеллектуальной и религиозной элитой общества, более тысячи лет непосредственно участвуя в процессе формирования того уникального социокультурного феномена, который и сегодня позволяет безошибочно отличать йеменцев от остальных родственных народов Аравии.

Укреплению солидарности страты *сада* обеих общин способствовала как их декларируемая родовая общность, так и один важный для йеменского социального контекста этнический нюанс: потомки рода пророка Мухаммада из пришлого для Йемена рода *хашимитов* принадлежали к северным арабам – аднанитам, в то время как их конкуренты из духовных элит смешанного происхождения из страт *кудат* (ед. ч. – *кади*) и *машаих* (такие названия эти страты носили соответственно на Севере и Юге) – преимущественно к потомкам коренных южных арабов, кахтанитам, к которым относилось и все коренное население юга Аравии [Родионов 1993, 321–327].

Часть политической истории Юга, особенно с XVII в. формировалась в борьбе с экспансией зейдитского имамата, шедшей с Севера. Самым крупным событием этого ряда было расширение границ имамата на Юг при имаме ал-Мутваккиле Исмаиле (1644–1676), когда в него входила почти вся территория современного Юга от Адена до Хадрамаута. Борьба за искоренение привнесенного завоеванием в Хадрамаут зейдизма закончилась лишь в XIX в. [Серебров 2006, 31].

Отношения шафиизма и зейдизма на Севере и Юге формировались под влиянием разных политических условий: в первом случае они выступали составными элементами общей социокультурной традиции, во втором – конкурентами.

Серьезной заботой для духовных лидеров обеих общин служили племенные обычаи *'урф*, которые порицались духовными лидерами обеих общин как вредный пережиток доисламской традиции *джахилийи*. Но с ними приходилось считаться, поскольку правители делегировали племенам функции защиты территорий от внешних посягательств в обмен на признание их привилегий, основанных на *'урфе*. Коммуникация исламских элит с племенами достигалась через стратегию исламизации обычаев и ритуалов племен непосредственным предводительством в них локальных представителей этих элит. Таким образом, духовная аристократия зейдитской и шафитской общин, опираясь на городской компонент культуры *хадар*, рассматривала племена как объект своей прозелитической деятельности, без которой социум лишился бы унифицированного механизма интеграции племен в исламскую общину и в систему политических и гражданско-правовых отношений, основанных на приоритете исламского закона – шариата, в целом. И хотя сами племена придерживаются иного мнения на этот счет, считая себя верной опорой и защитниками ислама, но для пересечения своих племенных территорий путниками и караванами, даже в современных условиях, они все же требуют участия посредника-проводника – *саййара* из признаваемых ими высших духовных страт.

Особенно строгим архаичный племенной порядок – *габйала* был в северных, зейдитских районах и в срединных районах шафиитского Юга. В Нижнем Йемене, Тихаме и Хадрамауте влияние городской культуры *хадар* на всю систему отношений в обществе было несколько выше. Доля племен в структуре их населения снижалась с 80–90% до 40–50%, что заметно сказывалось на характере локальных политических и социокультурных процессов. Несмотря на имевшиеся контрасты в укладе, образе и стиле жизни *габаил* и *хадар* (жителей племенных территорий и городских

поселений), основным занятием большинства из них традиционно являлось земледелие, а вспомогательными – садоводство и скотоводство. Торговля и ремесла концентрировались в городских поселениях, а военные и другие властные функции – в племенах. Коммуникативные функции арбитража и посредничества, отделенные от правителей локальных потестарных государств – *даулей*, находились в руках религиозных элит, тем самым распространяя шафиитско-зейдитский социокультурный континуум на весь йеменский ареал поверх разделявших его политических границ.

Представление о глубинном этнокультурном единстве народов ЙАР и НДРЙ, сыграло важную роль в их объединении в единое унитарное государство – Йеменскую республику. В ноябре 1989 г. это кулуарное и плохо продуманное решение было принято, а в мае 1990 г. – уже реализовано. Расчет, что укорененная йеменская идентичность сама обеспечит справедливые решения всем возникающим коллизиям при наличии централизованного демократического государства, не оправдался. Потерпел провал также и план политической децентрализации в Йемене, разработанный для НД в 2013 г. экспертами ООН для снятия накопившихся у Юга претензий к Северу.

Современный фасад и институты государства оказались во власти патримониальных неформальных структур, диктовавших свою волю в Йемене, что убедило южан не слишком доверять нормативным документам. Не случайно идеологи движения Хирак перенесли внимание на несовместимость культурных идентичностей народов, отодвинув политическую реформу на второй план. При этом, они использовали пример партии Ислах, наиболее показательный для демонстрации культурного отчуждения, поскольку она концентрировала в себе оба консервативных вектора – религиозный и племенной, затрагивавших прежде всего социокультурный пласт жизни общества. Для южан партия Ислах представляла официозную линию политики государства, что и привело к ошибочному восприятию ее на Юге в качестве носителя типичной культурной идентичности жителей Севера, хотя

на самом деле она вызывала там столь же острую и неоднозначную реакцию.

Вопрос о наличии и роли общего для жителей Йемена традиционного этнокультурного стержня остается дискуссионным. Так или иначе, превращение за годы текущей войны партии Ислах в частично экстерриториального актора высветило ее конфликтные отношения с другими конкурирующими ЦПВ и способствовало быстрой реабилитации почвенных культурных традиций, а также их модификации сообразно актуальным политическим вызовам. Последствия этого конфликта идентичностей трудно прогнозировать. Смогут ли традиционные религиозные идеологии запустить механизм реанимации скомпрометированного образа единой йеменской культурной идентичности на платформе общих интересов (восстановления мира и суверенитета) или возьмут верх факторы разобщения и дезинтеграции социума – зависит, в том числе, от соотношения сил между ЦПВ и эффективности тех «масок идентичностей», которые они используют.

НЕКОТОРЫЕ ПРИЧИНЫ КРИЗИСА ТРАДИЦИОННОЙ ПАРАДИГМЫ. РЕФОРМАТОРСТВО И СОВРЕМЕННАЯ ЭВОЛЮЦИЯ САЛАФИЗМА

Критика традиционной парадигмы пришла в Йемен на волне реформаторских исламских учений, известных под именем «исламского пробуждения» (*ас-сахва ал-исламийя*), зародившегося в XIX в.

Традиционная социологическая модель Йемена строилась на принципе групповой солидарности (*'асабийя*), описанном еще в трактатах об обществе Ибн Халдуном (ум. 1406). Она подразумевает верность жителей городских поселений (*хадар*) и особенно племен (*бадву*) своему патрилинейному роду (*'асаб*), опираясь на два компонента – кровнородственные узы и социокультурную общность [Gieger 2001, 3–4]. На этом же принципе строилась и традиционная социальная стратификация Йемена, начиная от духовной аристократии (*сада, кади, машаих*) и племен (*габаил*) в верхней части

иерархии и кончая городскими низами, вплоть до потомственных слуг и рабов. Принадлежность к стратам по рождению задавала не только статус, но и этнокультурные черты этих групп, различавшихся даже внешними признаками, выраженными в языке, стиле жизни, манерах поведения и одежде. Принадлежность к страте также определяла круг доступных им занятий – торговлю, ювелирное дело, земледелие и скотоводство, ремесла, промыслы и т. д. [Rodionov 2006]. Межстратовая мобильность, особенно вверх, представляла явление довольно редкое, индивидуальное, чаще связанное с личностными чертами характера и уровнем образования. Так, в престижной страте *машаих*, выделялась группа т.н. *машаих би-л-'ильм* (*машаих* по учености), занимающая по статусу положение ниже потомственных членов страты [Rodionov 2007].

До сих пор инерционные социальные барьеры создают почву для пребывания нации в состоянии, которое В.В. Наумкин определяет понятием «глубоко разделенного социума»: «В Йемене можно наблюдать многоуровневую разделенность, в которой одни линии выстраиваются в иерархическом, непересекающемся порядке, другие пересекаются с ними и между собой или накладываются друг на друга. В этой стране конфликтогенным фактором всегда была историческая бинарность “север – юг”, к которой в последние полтора десятилетия добавилась существовавшая и раньше, но “дремавшая”, а теперь обострившаяся из-за манипуляций со стороны внешних сил дихотомия между исповедующей шиизм хуситской группой племен на севере государства и его остальной частью. Конфликтность продолжает подпитываться большим числом различных дихотомий по родоплеменным, квазикастовым, региональным и иным пересекающимся линиям, хотя властями предпринята смелая попытка погасить ее с помощью федеративного проекта» [Наумкин 2015, 71].

Необходимость смягчения социальных барьеров в связи с ростом пространственной мобильности населения и процессом усиления имущественной дифференциации на рубеже

XX в. вызвала кризис также и сакральных элементов фиксации барьеров внутри социума. На них и была направлена критика модернистских исламских идеологий, воодушевленных идеалами эгалитаризма и панисламизма. Реформаторы возложили всю ответственность за отсталость и бедность на невежество масс, обвинив в этом традиционные духовные элиты, их религиозные учения и практики. Исправно действовавшая веками жесткая социальная конструкция Йемена превращалась в анахронизм и нуждалась в новой идеологии.

Название «салафизм» за данным типом реформаторства закрепилось лишь в 1920-е гг. В Йемен он начал проникать в начале XX в. через три основных «окна» – Аден, Сану и Хадрамаут, в каждом случае обладая индивидуальным своеобразием как по идейным источникам, так и по характеру решаемых социальных задач. С точки зрения современной науки исторические корни салафизма уходят гораздо глубже, и под этим термином понимают «религиозно-правовое течение в исламе, сформировавшееся в XIV в. под влиянием идей мусульманского богослова и философа Таки ад-Дина Ибн Таймийи (1263–1328) и его учеников» [Царегородцева 2018, 7].

В связи с принятием курса на салафитскую реформу в ЙАР в 1970 г. ее социальные и политические функции существенно расширились, обретая инструментальные черты, вызывавшие критику и растущее сопротивление в обществе, порождая множественные конфликты в т. ч. затрагивавшие чувствительную сферу национальной культурной идентичности йеменцев. Из идеологии модернизации общества, снятия тормозящих его развитие преград, салафизм превращался в целый набор конкурирующих друг с другом течений, в т. ч. имевших крайне консервативную и ретроградную направленность, проявлявших растущую нетерпимость к инакомыслию и демократии. Его неоднозначная и конфликтогенная роль вызывала стремление йеменцев к возврату к своим социокультурным истокам, в которых роль ислама чрезвычайно высока.

В современном Йемене представлены все три основные *манхаджа* (ветви) современного салафизма и множество их разновидностей:

а) квиетистский, аполитичный салафизм (*да'вия*, *'илмийя*), проводником которого в Йемене считается шейх Мукбиль, выступавший против участия верующих в политических партиях – неприемлемом для него источнике разделения *уммы*;

б) активистский салафизм (*харакийя*), сторонники которого готовы продвигать свои идеи политическими средствами, считая невозможным достижение социальной справедливости без прямого применения освященных религией правовых норм – *шариата*;

в) джихадистский салафизм, адепты которого отдают предпочтение насильственным методам борьбы для ускорения достижения целей. В Йемене они представлены террористическими группировками АКАП и ИГ.

В западном востоковедении принято отделять салафизм от идеологии БМ (ихванизм, от араб. названия БМ – *ал-ихван ал-муслимун*), признавая при этом принципиальную общность их доктрин. Отличительными чертами ихванизма считаются: опора на формализованные организационные структуры вместо меритократии; признание принципиальной совместимости ислама с западными институтами; предпочтение борьбе с влиянием Запада борьбе с конкурентами внутри ислама, особенно – суфизмом и шиизмом¹. Поскольку в Йемене произошло сращивание ихванизма с салафито-ваххабитским течением в рамках крыла шейха Зиндани партии Ислах, то отделить запрещенный во многих странах (в т.ч. в России, КСА и ОАЭ) ихванизм от течения, которое относится к активистскому (политическому) салафизму, представляется в этом случае затруднительным.

До начала текущего военного конфликта салафитские течения Йемена проявляли солидарность друг с другом,

¹ Olidort J. Salafism: ideas, recent history, politics / The Washington Institute for Near East Policy. March 2016. URL: <https://www.washingtoninstitute.org/uploads/Documents/other/Salafism-Olidort-2.pdf>. P. 3

преодолевая границы между квиетистскими течениями, активистскими и джихадистскими. Например, партия Ислах помогла шейху Мукбилю строить в 1979 г. международный салафитский учебный центр «Дар ал-хадис» в Даммадже (7 тыс. студентов, по данным на 2013 г.¹) и проявляла солидарность с ним в его противоречиях с локальной зейдитской общиной, особенно, хуситами. Хотя шейх Мукбиль принципиально отрицал участие верующих в политических партиях, многим выпускникам его центра была присуща высокая политическая активность. Аполитизм был еще менее свойствен его преемнику на посту президента «Дар ал-хадис» (с 2001 г.) шейху Яхье ал-Хаджури. Он не одобрил участие партии Ислах в антиправительственных выступлениях 2011 г., но все же с пониманием отнесся к активному участию своих учеников в работе основанной в 2012 г. шейхом Абд ал-Ваххабом ал-Хумейкани (внесенным США в список глобальных террористов²) новой йеменской салафитской партии Союз Рашад (*ал-иттихад ар-рашад*), находящейся теперь в Эр-Рияде в структурах МПП.

Вооруженный конфликт между хуситами и объявившими им джихад салафитскими радикалами, стекавшимися к учебному центру в Даммадже со всего Йемена и даже из-за рубежа в период 2011–2014 гг., развился в настоящий вооруженный конфликт, побудивший временного президента Хади в январе 2014 г. объявить о его закрытии с эвакуацией всех студентов в другие провинции страны под прикрытием армии³.

¹ Salafists 'killed in rocket attack on Yemen mosque' // BBC News, 30.10.2013. URL: www.bbc.com/news/world-middle-east-24749464.

² Treasury Designates Al-Qa'ida Supporters in Qatar and Yemen // Executive Order 13224 12/18/2013. URL: www.treasury.gov/press-center/press-releases/pages/jl2249.aspx

³ Letter to Presidential Mediation Council on Terms of Ceasefire from Sheikh al-Hajuri // The University of Edinburg, Peace agreements database, 11/01/2014. URL: www.peaceagreements.org/view/2063.

Роль партии Ислах в политической системе Йемена (1970–2010 гг.)

Исламское объединение Ислах (Реформа) было учреждено верховным вождем (*шейх машаих*) мощной племенной конфедерации хашед, шейхом Абдаллой ал-Ахмаром (ум. 2007) в 1990 г. как только новая конституция Йеменской республики позволила многопартийность. В п. 3 Устава этого объединения сказано: «Коран и Сунна ... являются источниками права и законодательства, а все что противоречит им нелегитимно и отвергается», тогда как «шариат регулирует жизнь во всех ее проявлениях»¹. В тексте первой конституции, шариат считался только «основным источником» права. После победы Севера в гражданской войне 1994 г. п. 3 текста исправленной конституции принял ныне действующую редакцию: «Исламский шариат – источник всего законодательства страны»².

Идеология религиозного крыла Ислаха восходит к йеменскому отделению организации БМ, находившемуся в Таизе в начале 1960-х гг., в руководстве которого рядом с шейхом Зиндани, стояли также шейхи Ясин Абдулазиз и Абдул-Малик Мансур [Hezam 2003, 43]. В 1967 г. портфель министра информации и образования ЙАР получил один из руководителей БМ Абд ал-Малик ат-Тейиб. В 1970-х гг. шейх Зиндани, в рамках одобренной тогдашним президентом Абд ар-Рахманом ал-Ирьяни негласной салафитской реформы, возглавил «Департамент направления и руководства», отвечавший в правительстве за религиозное образование. Шейх Зиндани осуществлял отбор учителей из круга БМ Египта, Судана и других стран, находивших убежище в КСА, для преподавания религиозных дисциплин в учрежденной им при мощной поддержке шейха Абдаллы в начале 1970-х гг.

¹ Ал-низам ал-асаси ли-таджаммуа ал-ймани ли-л-ислах (Устав йеменского объединения Ислах). URL: <https://alislah-ye.net/userimages/pdf/System%20Islah%20Party.pdf>

² Constitution of the Republic of Yemen. URL: <https://www.refworld.org/pdfid/3fc4c1e94.pdf>.

сети религиозных школ (т.н. научных колледжей – *ма'ахид 'илмийа*) [Bonnefooy, Poirier 2010].

Такой путь проведения в жизнь одобренной властями салафитской реформы не соответствовал ее изначальному замыслу. Президент Ирьяни видел в ней инструмент дальнейшей суннизации зейдизма в русле идей йеменского богослова шейха Шаукани, направлявшего свои усилия на максимальное сближение зейдитской и шафиитской общин Йемена [Haykel 1999, 195]. Она решала бы сразу несколько проблем, связанных с лишением зейдитской общины ее имама в связи с переходом на республиканское правление, а также с преодолением возникшего раскола среди зейдитских племен ЙАР в ходе гражданской войны 1962–1968 гг., когда часть из них воевала на стороне республиканцев (во главе с шейхом Абдаллой), а другая часть – на стороне роялистов, поддержав наследного принца Бадра. У истоков реформы стоял тандем с участием харизматичных лидеров исламистского и племенного флангов ЙАР, в котором ведущей стороной выступал несомненно главный политический тяжеловес республиканского режима шейх Абдалла, получивший в знак доверия почетный титул «шейха всех йеменских племен». Однако, всесторонняя поддержка реформы со стороны КСА направила ее развитие в русло другого салафитского учения – ваххабизма и наполнила ее совершенно иным социально-политическим содержанием. Политический вес шейха Абдаллы позволил быстро вывести реформу на самый высокий государственный уровень, решительно направив ее на подавление левых идеологий, популярных в республиканском лагере и представлявших тогда серьезной угрозой соседнему королевству.

Благодаря государственной поддержке и щедрому внешнему финансированию в 80-е гг., сеть салафитских колледжей, контролируемых этим блоком сил, включала уже от 9 сотен до тысячи заведений, где обучались более полумиллиона студентов. Британская востоковед Габриэль фом Брюк отмечала провокационную направленность курируемых Ислахом религиозных колледжей, которые «стали представлять одну из главных угроз зейдизму. Следуя антишиитскому

курсу, они заставили зейдитских *алимов* проявлять сильное беспокойство. Детям внушали, что предшествующие поколения были воспитаны в духе неверия (*куффар*), что заключенные их родителями браки, равно как и еженедельные пятничные посещения кладбищ, были проявлением *бид'а* (нарушениями, граничащими с ересью)» [Bruck 1999, 178].

Известно, что в 1989 г. лидеры будущего Ислаха критиковали идею президента Салеха об объединении с НДРЙ, которая одновременно негативно воспринималась также и в КСА. Победа Ислаха над ЙСП на парламентских выборах 1993 г. с набором 62 мест в парламенте против 56 у конкурента¹ послужила сигналом к гражданской войне, вспыхнувшей в апреле 1994 г. В одном из интервью бывший генеральный секретарь ЙСП ал-Бид подтвердил, что предпринятая им попытка в разгар осады армией Севера Адена восстановить статус-кво с провозглашением Демократической Республики Йемен 21 мая 1994 г. получила поддержку только со стороны Саудовской Аравии².

После победы Севера в гражданской войне 1994 г. активизм партии Ислах на Юге определил стиль взаимоотношений Саны и Юга, приведший в результате к национальному расколу. Ряды партии Ислах выросли до 800 тыс. членов [Nezam 2003, 49]. И хотя успех партии на рубеже 2000-х гг. держался прежде всего на весе в госаппарате и авторитете среди могущественных племен шейха Абдаллы, а также его уникальном умении предотвращать коллизии между откровенно антизейдитской идеологией религиозного крыла партии с преимущественно зейдитским племенным флангом, который возглавлял он сам, политический активизм ее радикального религиозного крыла и неудержимый рост масштабов прозелитической деятельности в стране создавали иллюзию, будто успех партии обязан именно ему. Даже включе-

¹ Yemen. Parliamentary Chamber: Majlis An-nowab. Elections held in 1993. URL: https://archive.ipu.org/parline-e/reports/arc/2353_93.htm.

² Mouzahem Haytham (Former South Yemen President To Continue to Call for Secession //Al-Monitor, May 27, 2013. URL: www.al-monitor.com/pulse/originals/2013/05/ali-salim-beidh-president-south-yemen-secession.html

ние фамилии шейха Зиндани в 2004 г. в список террористов Департамента казначейства США за причастность к работе ал-Каиды¹ не помогло заблокировать этот процесс.

В начале 2000-х гг. началась трансформация партии Ислах из участника правящего тандема в конкурента правящей партии ВНК. Она вступила в блок Муштарак с участием левых партий, что позволило исламистам существенно улучшить свой имидж на Западе, представ силой, совместимой с демократией. В контексте резкого потепления отношения Запада к БМ в середине 2000-х гг. влиятельной американской корпорацией RAND было подготовлено фундаментальное методическое пособие по проблеме «умеренного исламизма», которое скорректировало предыдущий воинствующий настрой Вашингтона, вызванный событиями 11 сентября, в другую сторону – при условии соблюдения исламистскими группировками указанных в нем критериев [Rabasa 2007]. Ислах попала в категорию исламистских партий, вставших на путь демократии. Эксперты считали, что «несмотря на международную критику партии Ислах, ее следует считать религиозным социальным движением, не поддерживающим вооруженную политическую борьбу. Уставные документы партии запрещают военизированные составляющие. Кроме того, руководство партии отвергает и отрицает любые формы терроризма» [Hezam 2003, 45]. Но если принять во внимание, что главной задачей блока Муштарак было лишение ВНК ее статуса партии власти, то переход в него партии Ислах, де-факто давно входившей непосредственно в состав высших эшелонов власти страны, указывал главным образом на ее стремление перейти со второго места на первое. О реальном отношении радикального крыла партии Ислах к демократии лучше судить по ее методам борьбы с ЙСП и с зейдитской партией ал-Хакк, выступавшей за предоставление государством равных с партией Ислах прав в сфере религиозного образования.

¹ United States Designates bin Laden Loyalist // from the office of public affairs js-1190 24.02.2004. URL: <https://www.treasury.gov/press-center/press-releases/pages/js1190.aspx>.

Объективная сложность оценок партий типа Ислаха состоит в том, что они не являются партиями современного типа, а представляют ассоциацию, состоящую из широкого конгломерата, каждый компонент которого ориентировался на своих лидеров, в лучшем случае связанных друг с другом патримониальными узами – *махсубийа*. Ее идеологию и политический курс определяют неформальные харизматичные лидеры, а не уставные документы. Декларации и запреты, зафиксированные в их уставах, не являются нормативными для их фактических лидеров. Агрессивный прозелитизм составлял ведущее направление деятельности радикального религиозного крыла Ислаха, что само по себе не может вписываться в политическую борьбу в условиях демократии. Кроме *ма'ахид 'ильмийа* шейх Зиндани руководил построенным в 1993 г. при финансовой поддержке КСА грандиозным салафитским университетом в центре Саны – Джамиат ал-Иман, в котором обучалось шесть тысяч студентов. Его филиалы были открыты в других городах, включая административную столицу провинции Хадрамаут – Мукаллу. Он также курировал работу другого крупнейшего в стране – Университета науки и технологии (*джаму'ат ал-'улум ва-т-технолоджийя*), открытого в Санае в 1994 г., также имеющего филиалы. Ислах финансировал и другие масштабные образовательные проекты – детские курсы изучения Корана, сеть религиозных школ и кружков для женщин и т.д., которые работали почти в каждом городе страны [Hamzawy 2009, 6].

Прозелитизм позволял религиозному крылу последовательно решать двуединую задачу: расширять за счет адептов электоральную базу на пути к власти и замещать традиционные духовные элиты общества выпускниками салафитских высших учебных центров, преимущественно выходцами из страты *габаил*, лояльными Ислаху.

Итоги этой работы в йеменском социокультурном контексте оказались предсказуемо неоднозначными. Лишь небольшая часть выпускников салафитских центров становилась приверженцами салафизма и Ислаха. Большинство же

использовали полученные знания текстов священных книг и умение их читать для повышения своего социального статуса, лучшим способом которого оставалось участие в укорененных религиозных ритуалах, в т.ч. порицаемых салафитами *маулядах*. Особенно важна эта практика была для женщин, для которых такие собрания были прежде всего каналом общения с престижным кругом, средством обмена информацией, местом для демонстрации мод и мелкой торговли женскими аксессуарами. Социологический опрос женщин, посещавших *халаки* – салафитские школы, курируемые партий Ислах в Сане в 2009 г. показал, что вопреки запрещающим инструкциям, полученным ими в этих школах, большинство опрошенных не прекращали своего участия в зейдитских и суфийских ритуалах и что «среди практик народного ислама наиболее популярным остаются *мауляды* как среди суннитов, так и шиитов» [Pandyа 2014, 65–66].

Гибридный эффект от посещения курсов и школ Ислаха, в которых обучение строилось на салафито-ваххабитских источниках, оказывал неоднозначное влияние на общую конфессиональную ситуацию в стране. Так, почти все лидеры кружка «Правовой молодежи» (*шабаб мумин*), из которого в 1990-х гг. выросло хуситское движение, прошли обучение в ислахских научных колледжах. Высоко оценив методику преподавания и качество учебных пособий в них, они вынесли убежденность о полном несоответствии полученных там салафитских инструкций локальным культурным традициям и вышли из них с полной уверенностью о необходимости принятия срочных мер для спасения культурно-исторического наследия своей страны от ваххабизма. Для этого они предложили руководству страны приступить к возрождению закрытой республиканскими властями сети зейдитских школ – *мадарис 'ильмийа*, функционировавшей при имамах. Этим они стремились к уравниванию в правах также и второй распространенной в Йемене религиозной школы – шафиизма [Salmoni 2010, 97].

Не гладко шло также и внедрение проповедников и *алимов*-салафитов в локальную социальную

среду. Традиционные страты *сада* и *кади* не входили в кровно-родственную систему племен, основанную на *'асабийи*, что и позволяло им выступать нейтральными судьями и арбитрами в спорах между племенами, используя свой опыт и знания *'урфа* и шариата одновременно. Новые кандидаты на роль духовных элит как правило имели племенные корни. Ибн Халдун отмечал, что кровно-родственная групповая солидарность достигает высшего уровня среди «бедуинов» (в данном случае – оседлых племен Йемена), которые в силу этого образуют наиболее сплоченные коллективы, формирующие образы коллективной чести, когда обида каждому ее члену становится обидой всех. Обычай кровной мести или выплаты крупной компенсации для урегулирования коллизий до сих пор сохранил актуальность у всех племен Йемена. Типичное для племенного сознания ощущение превосходства над другими (особенно – неплеменными) группами населения в некоторых случаях перерастает в явление, описываемое термином «племенного шовинизма» [Gierer 2001].

Эти известные специфические свойства психологии *габили*, корнящиеся в кодексе чести (*шараф*), закрепленном в *'урфе* [Dresch 1993, 38–58], не позволяли им становится полноценной заменой традиционным духовным стратам даже при равном уровне квалификации в вопросах шариата. Поэтому побочным результатом прозелитической деятельности Ислаха стало постепенное возрождение авторитета традиционных духовных элит Севера, подвергшихся гонениям со стороны властей в связи с запуском религиозной реформы. Сохранившиеся семьи *сада* и *кади*, устоявшие под давлением властей и не перешедшие в салафизм, вновь обретали почву для продолжения своей деятельности и даже оказания активного сопротивления прозелитизму Ислаха.

Довольно рано политический активизм Ислаха стал подкрепляться деятельностью ее вооруженных милиций. Ни один серьезный национальный вооруженный конфликт на территории ЙАР, а после объединения – ЙР, не обходился без участия исламистских боевиков, выступавших на стороне правительства и под его прикрытием, но с отчетливой

собственной конфессиональной повесткой. Начало было положено их содействием президенту Салеху в разгроме лево-радикального движения НФ на рубеже 1980-х гг., в благодарность за что исламисты получили право на издание газеты «Ас-Сахва» – единственного негосударственного печатного органа своего времени. После объединения с НДРЙ их участие в травле и терактах против лидеров ЙСП, занимавших государственные посты в Санае, подстегнуло вспышку гражданской войны 1994 г. Ее жертвой стала не только ЙСП с ее курсом на установление светского характера государственного аппарата, но и почвенные шафиитско-суфийские традиции Юга, разделившие в полной мере участь зейдизма в части критики со стороны наводнивших его салафитско-ваххабитских учителей Ислаха.

Следующий вооруженный конфликт против движения хуситов продолжался шесть лет (2004–2010), создав уже вторую за короткое время угрозу национального раскола Йемена и усилив кризис власти. Объектом военной кампании правительственных сил была группа единомышленников авторитетного сейидского богословского рода в зейдитской общине провинции Саада, бывшего члена парламента, сейида Хусейна Бадруддина ал-Хуси. Они использовали в своих пятничных богослужениях придуманный своим лидером в 2002 г. клич (*сарха*), направленный против США и Израиля, возбуждая трения между посольством США и главой йеменского государства, добивавшегося развития стратегического партнерства с США. Вместо ожидаемой легкой и поучительной для всех отрядов оппозиции победы над членами непокорного властям молодежного клуба «Верующая молодежь», отказавшегося прекратить скандирование *сархи*, ссылаясь на конституционное право свободы слова, военная кампания вылилась в опустошительную войну.

Ее подлинной причиной стал перевод кампании в русло преследования шиитской общины страны исламистскими боевиками и проповедниками, о подключении которых позаботилось радикальное крыло партии Ислах при попустительстве командующего правительственными войсками

генерала Али Мохсина. Хуситы получили поддержку после того, как жители зейдитских районов убедились в наличии мотива религиозной ненависти со стороны радикального салафитского фланга. Зейдитские духовные лидеры призвали их на защиту своей традиционной культурной идентичности от ваххабитов. Не помогли ни патримониальные инструменты воздействия на них со стороны президента Салеха и рода шейхов ал-Ахмар, ни саудовские стипендии, выплачиваемые шейхам йеменских приграничных и внутренних племен в качестве меры продвижения своего влияния внутри соседней страны [Salmoni 2010, 182]. Если в гражданской войне 1994 г. на Юге конфликт культурных идентичностей фигурировал в скрытой форме, то в «саадский» период гражданской войны он составил самую сердцевину противостояния, причем инициатива в этой метаморфозе принадлежала не президенту Салеху, а действовавшим автономно от него группировкам в составе партии Ислах и командования фронта. Можно также отметить, что официальная позиция руководства партии Ислах состояла в осуждении решения президента Салеха начать эту войну. Данный пример служит живой иллюстрацией к дискуссии о трудностях типологизации исламистских партий, подобных Ислаху.

Саадские войны 2004–2010 гг. перевели хуситское движение из разряда локальной общественно-культурной организации на уровень серьезной общественно-политической силы, которой оставался только один шаг для превращения в актора национального масштаба, что и случилось в результате йеменской революции 2011 г., которая предоставила им возможность расширить свою аудиторию до участников массовых молодежных акций протестов во всех крупных городах Севера, на которые стекались также и представители племен, устраивая палаточные городки прямо на улицах и площадях.

Партия Ислах в борьбе за власть: 2011–2014 гг.

Как показали события йеменской революции, радикальное крыло партии Ислах восприняло итоги саадских войн только как признак слабости президента Салеха. В 2009 г.

шейх Хамид перешел к прямым угрозам в его адрес, а вспыхнувшая в 2011 г. революция, дала этому крылу шанс для прихода к власти. Однако племена, составлявшие традиционно одну из главных опор партии Ислах разошлись в оценках ситуации со своим молодым лидером, шейхом Хамидом. Президент Салех сохранял все главные рычаги власти, а после кончины шейха Абдаллы стал основным источником привилегий для племен хашед со стороны государства [Серебров 2015, 288].

В период действия Инициативы партия Ислах развернула активную закулисную борьбу на два фронта – с лидером ВНК и хуситским движением Ансарулла, поскольку первый оставался основной помехой на пути к власти, а хуситы мешали Ислаху оседлать революцию в роли лидера оппозиции. Переход генерала Али Мохсина на сторону партии Ислах в марте 2011 г. произвел крупный раскол в армии и лишил президента Салеха гарантий исполнения Ислахом своих обязательств в случае подписания им первого варианта посреднического плана урегулирования кризиса с участием стран Залива, основанного на персональном компромиссе между кланами Салеха и шейхов ал-Ахмар. В результате план был отвергнут Салехом в мае 2011 г.¹

Летом 2011 г. после неудавшихся попыток захвата Саны вооруженным племенным ополчением партии Ислах и покушения на жизнь президента Салеха, лидеры Ислаха призвали все племена Йемена к силовому решению вопроса о власти. В ответ, находившийся на лечении в Саудовской Аравии президент созвал в августе 2011 г. другую племенную конференцию, на которой с огромного экрана главного зала торжеств столицы призвал шейхов племен к сдержанности, ука-

¹ Тутсюда и закрепилось название «Инициативы» за следующим, абсолютно новым проектом, рожденным в стенах ООН, который был запущен в ноябре 2011 г. В нем, вместо молниеносной властной рокировки с формальной процедурой выборов, содержался поэтапный транзит под эгидой СБ ООН, включавший избрание временного главы государства, инклюзивный йеменский НД, принятие новой конституции и выборы. Значительная часть суверенных функций государства на период транзитного плана де-факто добровольно передавалась в руки спецпредставителя по Йемену, подотчетного СБ ООН.

зав на разрушительную роль партии Ислах в современной истории государства. Он заявил: «Есть политическая партия, ... которая называет себя исламской, но где же ее ислам, что она сделала для ислама? Вы разобщили ислам и разозлили йеменцев своими делами!»¹ Эта речь не только предотвратила вооруженное восстание племен, показав уверенность президента в лояльности элитной части армии во главе с его сыном, генералом Ахмадом, но и проложила мост к его будущему сближению с хуситами на антиислахской платформе.

Плоды того выступления можно было ощутить в полной мере уже в 2014 г., когда партия Ислах стала терпеть одно поражение за другим после утраты ею контроля над провинцией Амран, считавшейся ее несокрушимым форпостом, поскольку населявшие ее племена хашед ориентировались на род шейхов ал-Ахмар. К сентябрю 2014 г. она лишилась всяких и шансов на победу в выборах, запланированных ООН на конец 2015 г. Этот итог не был простой случайностью или следствием неблагоприятной конъюнктуры. Динамика результатов парламентских выборов в Йемене показывала последовательное снижение позиций партии Ислах от выборов к выборам с более 20% поддержки в 1993 г. до 15% в 2003 г., несмотря на колоссальный прирост масштабов ее прозелитической деятельности по всей стране.

Табл. 1. Распределение мест в Палате представителей по результатам парламентских выборов в Йемене.

Партия	1993	1997	2003
ВНК	123	188	226
Ислах	62	53	46
ИСП	57	-	7
БААС	7	2	2
Прочие партии	5	3	3
Независимые кандидаты	46	53	14

Источник: Matsumoto Hiroshi. Yemen between Democratization and Prolonged Power. URL: www.jiia.or.jp/pdf/working_paper/h14_matsumoto-e.pdf. P. 8.

¹ Sallam M., Al-Wesabi S. Tribal conference to find solutions for Yemen // *Yemen Times*, 18.08.2011.

Умеренному салафитскому флангу внутри Ислаха во главе с генеральным секретарем партии, шейхом Абд ал-Ваххабом ал-Анси, досталось гораздо более скромная роль, чем радикальному крылу шейха Зиндани, определявшему ее неоднозначный имидж в Йемене. Перегибы в проводимой крылом шейха Зиндани салафитской реформе способствовали расколам в обществе на почве конфликтов культурных идентичностей как на Юге, так и в сердце Джебеля – зейдитских районах Йемена. Шейх Зиндани нередко делал заявления, шедшие вразрез с ее программным установками и официальными декларациями. Так, выступая перед молодежью на главной площади Саны в марте 2011 г. он благословил ее на восстание против власти, одновременно выразив надежду на перерастание революционной волны в арабском мире в движение к новому халифату [Серебров 2012, 284]. В контексте курса революции на ускорение модернизации, демократизацию и экономический рост страны, это заявление вызвало разочарование. В Сане, Иббе, Ходейде и даже Таизе, в котором оппозиция партии власти была традиционно сильна, лидерам Ислаха так и не удалось стать направляющей силой стихийного революционного подъема¹. Молодежь возмущали провокационные попытки проислахских элементов превратить их мирные акции протеста в силовое противостояние с государственными силами безопасности.

Решающее значение в каскаде поражений, понесенных партией Ислах в 2014 г. имел отказ ведущих шейхов племен конфедерации хашед поддержать боевиков партии Ислах, отступавших из Саады в сторону Саны под преследованием хуситской милиции. Угроза новой масштабной войны с хуситами и срыва международного плана ООН не позволили партии Ислах и генералу Али Мохсину вовлечь армию и племена в конфликт на стороне боевиков, пришедших в Сааду летом 2011 г. чтобы отвлечь внимание хуситских лидеров от участия в революционном протестном подъеме, охватившем страну. Шейхи хашед отклонили призыв рода ал-Ахмар заблокировать

¹ Fernando C. Anatomy of chaos: Yemen's Taiz // *Gulf State Analytics*, 04.09.2019. URL: <https://gulfstateanalytics.com/anatomy-of-chaos-yemens-taiz>.

хуситское ополчение в провинции Амран и в начале февраля 2014 г. подписали с хуситами мир¹. Этим они выразили солидарность с участниками только зарождавшегося тогда анти-ислахского альянса.

21 сентября 2014 г. хуситы мирно вошли в столицу Сану. События того дня имеют важное значение для корректировки принятой концепции кризиса, в которой они часто представлены как акт «хуситского переворота». Они инициировали отставку правительства Басиндвы и были поддержаны всеми партиями и населением столицы. В тот же день при прямом посредническом участии спецпредставителя ООН Джамала Беномара состоялось подписание «Договора о мире и национальном партнерстве», в котором, кроме движения Ансарулла и президента Хади, участвовали все партии и движения, представленные на НД, включая официальное руководство партии Ислах. Все участники Договора подтвердили приверженность Инициативе. В период с сентября по декабрь 2014 г. обновленный режим временного президента Хади, оставшегося в Сане, смог освободить почти всю территорию Севера от джихадистских структур, которые участвовали в войнах в Сааде против хуситов [Серебров 2015, 328–333]. Под контролем радикального крыла Ислаха осталось лишь несколько анклавов, главным образом, в провинциях Мариб, ал-Бейда и Таиз.

Добровольному уходу в отставку президента Хади и нового правительства Халида Бахаха 22 января 2015 г. предшествовало коллективное решение отправить на доработку план Хади о преобразовании Йемена в федеративное государство в составе шести штатов-иклимов из-за несогласия с ним движения Хирак, а также его критики со стороны экспертов ведущих партий, включая ВНК, Ислах и ЙСП. Прощение об отставке пролежало до 21 февраля 2015 г. когда внезапный переезд президента Хади, а также перенос посольств КСА, США и Англии в Аден обозначили переход от мирного

¹ Madabish Arafat. Yemen: Hashid and Houthis agree ceasefire // *Asharq Al-awsat*. 05/02/2014. URL: <https://eng-archive.aawsat.com/arafat-madabish/news-middle-east/yemen-hashid-and-houthis-agree-ceasefire>

плана к новому сценарию. С началом военной операции АК в марте 2015 г. контролируемые Ислахом на Севере анклавы были превращены в опорные военные плацдармы для сил МПП и саудовского фланга АК.

Подводя итог этого драматического для партии Ислах этапа закулисной борьбы, нужно обратить внимание на отсутствие причин считать произошедшую кардинальную перестановку сил на внутренней сцене Йемена в 2014 г. плодом внешнего иностранного вмешательства, а также на то обстоятельство, что дата 21 сентября была отмечена подписанием мирного Договора, получившим немедленное одобрение СБ ООН¹, на который продолжали делать ссылки многие последующие решения этого органа по Йемену вплоть до начала военной операции АК. Глава миссии ООН Дж. Бенмар также не видел причин сворачивания плана, оставаясь в Сана до начала последней декады марта 2015 г. с намерением найти решение проблемы двоевластия, возникшей в результате отставки высших исполнительных органов власти республики на финальном этапе Инициативы. Начало военной кампании повлекло его отставку из-за несоответствия его оценок политическим решениям, принятым более влиятельными акторами.

ХАДРАМАУТ: ДРЕВНЯЯ ТРАДИЦИЯ В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ ЭПОХИ МОДЕРНА

Тысячелетняя самобытная культурная традиция Хадрамаута принесла ему репутацию одного из важных транснациональных центров исламской культуры. Пройдя несколько волн модернизации на родине в XX в., его культура сохраняет свое значение как в Йемене, так и в странах ЮВА и Восточной Африки, куда пришла вместе с исламом и хадрамейскими мигрантами, создав прочную связь между

¹ Security Council Press Statement on Yemen // Meetings Coverage and Press Releases SC/11578. 23.09.2014. URL://www.un.org/press/en/2014/sc11578.doc.htm

их мусульманскими общинами. Наблюдаемое с 2019 г. перемещение оси йеменского военного конфликта на Юг сделало Хадрамаут одним из ключевых очагов борьбы на почве конфликта культурных идентичностей. Скрещивание в Хадрамауте жизненных политических и экономических интересов всех йеменских ЦПВ и обеих стран-участниц АК одновременно придает этому столкновению важную роль в развития всего кризиса.

Большим потенциалом менять сложившиеся балансы сил через «мягкую силу» обладает традиционный местный социокультурный пласт, включающий богатые племенные и религиозные обычаи провинции. На их почве формируется неотрадиционное религиозное течение, направленное на повышение локального, регионального и международного статуса Хадрамаута через защиту и пропаганду его самобытной культуры. Пока не ясно, станет ли оно частью того или иного сепаратистского «хадрамаутского проекта» или наоборот будет содействовать консолидации всего автохтонного йеменского/южнойеменского этнокультурного субстрата, отдавая приоритет противостоянию рискам более высокого уровня. Не вызывает сомнений, что это течение не останется в стороне от актуальных политических проблем, таких как наметившийся раздел Хадрамаута на две части – Прибрежный и Внутренний, подчиненные соперничающим флангам АК¹, или угроз, создаваемых деятельностью джихадистских группировок на территории провинции, для которых война создала благоприятные условия для наращивания влияния.

Коренная социокультурная традиция Хадрамаута

Согласно наиболее часто встречающейся версии локальной историографии Хадрамаута, его шафийтская традиция восходит к патриарху рода Ба Алави – *сейиду* Ахмаду б. Исе ал-Мухаджиру, переселившемуся в Хадрамаут из Басры предположительно в 952 г. [Serjeant 1957, 8]. Размножившийся род

¹ Ardemagni E. «Two Hadramawts» emerge in a fractured Yemen // MEI, 22.04.2019. URL: <https://www.mei.edu/publications/two-hadramawts-emerge-fractured-yemen>

Ба Алави образовал высшую страту духовной аристократии Хадрамаута – *сада*, значительная часть которой проживает в эмиграции. Термин *сейид* в данном случае особенно выпукло несет двойную нагрузку, обозначая одновременно принадлежность к потомкам рода пророка Мухаммада и к упоминаемому Р. Саргентом набору социальных функций, присущих только лицам, одаренным особым «духовным могуществом» [Serjeant 1957, 4]. Роль *сада* и *машаих* в Хадрамауте традиционно была существенно выше, чем в других шафиитских регионах Йемена. Влияние этих духовных элит распространялось буквально на все значимые аспекты жизнедеятельности локальных племен и городских общин. Традиционные формальные привилегии этих страт, такие как освобождение от налога, право свободного пересечения племенных территории, в том числе в качестве сопровождающих – *саййаров*, распоряжение *вакфами* и др., дававшие им некоторые экономические преимущества перед остальными стратами, в Хадрамауте дополнялись сакральными элементами локальной культурной традиции, укреплявшими их статус.

Некоторые семьи *сада* и *машаих*, веками связанные отношениями патрон-клиент с сильными племенами, получали статус *хиджры*, обеспечивавший им со стороны племен покровительство, включая защиту от преследований со стороны правителей – *хукума*. Предводители могущественных родов *сада* – *манасиб* (ед. ч. – *мансаб*) выступали в роли верховных арбитров в межплеменных вооруженных конфликтах, составляя вершину системы традиционных механизмов для разрешения споров, начинавшейся с уровня племенных вождей (*мукаддам*, мн. ч. – *макадима*) и межплеменных судей (*хаким*, мн. ч. – *хуккам*) из страты *габаил*. Считалось, что нарушение вынесенных ими решений вызывает гнев Небес, т.к. они являются избранниками Всевышнего и пользуются его милостями. Им принадлежало право учреждения *хаут* (ед. ч. – *хаута*), сакральных зон безопасности, расположенных вокруг одной или нескольких *кубб* с гробницами, в которых покоились останки их прославленных предков (*аулийа*), доказавших свои сверхъестественные способности

как при жизни, так и после смерти. Стержнем религиозной и культурной жизни Хадрамаута традиционно были ежегодные *зияры*, ярмарки, сопровождавшиеся пышными религиозными ритуалами у этих гробниц. Богатая коллекция агиографических рукописей и книг, посвященных богословам и духовным вождям Хадрамаута, составляет костяк фонда рукописей главной библиотеки Тарима – ал-Ахгаф. Описания подвигов и примеров служения исламу и Хадрамауту, рассказы о сверхъестественных и благих для всей общины деяниях *аулийа* нашли отражение также в текстах поминальных *зикров*, читаемых в ходе *зияр* наряду с молитвами и сурами Корана.

До 1967 г. на территории Хадрамаута правили две династии – султаны ал-Касири (внутренний Хадрамаут) в Сейуне и фавориты британской колониальной администрации Адена – султаны ал-Куайти в Мукалле (все побережье и часть долин), но в историческом и социокультурном отношении Хадрамаут образует единое пространство, корнями уходящее во времена древнего одноименного царства, возникшего во втором тысячелетии до н.э. Хадрамаут – единственный культурный ареал на юге Аравии, не поменявший свое историческое название. Его жители обладают выраженным чувством локальной идентичности – *хадрамий* (мн. ч. – *хадарима*).

В местной историографии лейтмотивом проходит панегирик борьбе духовных элит Хадрамаута за защиту шафиитского мазхаба от внешних враждебных посягательств со стороны других исламских учений. С первыми поколениями рода Ба Алави связывают заслугу в освобождении Хадрамаута от ибадизма (1195 г.) [Serjeant 1957, 9], а в более поздние периоды исламской истории региона – от зейдизма (XVIII в.) и ваххабизма (1809 г.). Набег ваххабитов на Хадрамаут из Неджда ассоциируется в устной локальной фольклорной традиции с крайней жестокостью, варварством, грабежами, поруганием сакральных гробниц и мечетей, уничтожением библиотек и школ под лозунгом борьбы с идолопоклонством (*ширк*) [Серебров, 2006, 31–32].

Причиной выделения *сада* Хадрамаута в особо престижную группу духовной аристократии даже в масштабах всего Йемена было формирование в Хадрамауте, пожалуй, наиболее продвинутого образца исламского общества на юге Аравии, в котором была достигнута максимально возможная интеграция *хадар* и *габаил*. Большую роль в этом играло автохтонное суфийское учение – алидский тарикат (*тари-кат алавийя*). Для него характерно акцентированное внимание к роли Хадрамаута в истории зарождения и распространения ислама, начиная с доисламских пророков, причем происхождение многих из них связывают с Хадрамаутом. Эта особенность, а также поучительные рассказы о благочестивых деяниях нескольких поколений выдающихся представителей самого рода Ба Алави, формировали у верующих чувство особой гордости за внесенный их предшественниками вклад в миссию посланников Бога на земле. Создавая некий эталон исламского благочестия для всех верующих, алидский тарикат одновременно подчеркивал заслуженное право *сада* Хадрамаута выступать посредниками и заступниками (*тавассул*) для всей общины перед Всевышним – сакральное обоснование выделения их особого социального статуса.

По свидетельству мансаба Али ибн Ахмада из рода ал-Атгас, алидский тарикат опирается на учения суфийских школ шазилийя и кадирийя [Серебров 2006, 35]. В интерпретации современных хадрамейских суфиев, смысл учения состоит в направлении верующих к совершенствованию своих личных качеств, поощряемых Кораном и Сунной – *ихсан*¹. Этой же цели служит и обряд посещение гробниц *аулийя* во время *зияр* и чтение стихов, живописующих деяния праведников. Основателем алидского тариката считают Мухаммада б. Али Ба Алави (ум. 1256) [Кnysh 2001, 410–411]. До революции 1967 г. значение *зияр* в Хадрамауте, окутанном густой сетью сакральных *кубб*, выходило далеко за рамки сугубо религиозного ритуала. *Хауты* служили не только религиозными, но и важными центрами эконо-

¹ Responding to Critics of Sufism // Muwasala, 01.05.2013. URL: <https://muwasala.org/2013/05/01/responding-to-critics-of-sufism/>

мической и культурной жизни, значимыми транспортными узлами, местом совершения правосудия и заключения мира между враждующими группами. *Хауты* успешно компенсировали своими разнообразными функциями рудиментарное состояние государственного аппарата султанатов¹.

От статуса святого зависел и масштаб *зияры*, количество паломников и число участвующих родов духовной аристократии. Разброс от сугубо локального формата до транснационального позволял создавать под духовным управлением местных родов *сада* и *машаих* гомогенное социокультурное пространство, далеко выходящее за географические границы Хадрамаута.

Высшее положение занимает *зияра* к гробнице доисламского пророка Худа, посланного с миссией народу ал-‘Ад, жившему по преданию, на территории Хадрамаута и уничтоженному огнем за проявленное им неверие. Этому пророку посвящена одиннадцатая сура Корана. Сакральный комплекс в селении Кабр Худ к востоку от г. Тарима собирает тысячи паломников, в т.ч. иностранцев, считающих ее посещение малым хаджем. Роды *сада* и *машаих*, предводительствующие на ритуалах многодневной *зияры*, входят в высший слой хадрабийской духовной аристократии. Кроме *сада* покровительство этой *зияре* оказывает также род *машаих* Ба ‘Аббад [Serjeant 1957, 411].

Город Тарим, превращенный первыми поколениями рода Ба Алави в главный духовный центр Хадрамаута, в новое время обрел значение настоящего города-музея под открытым небом с выразительным архитектурным ансамблем, в котором на переднем плане находятся *куббы* центрального кладбища Занбаль. За ним расположены мечети и здания религиозных школ, фасады роскошных дворцов знати, нажившей свои состояния в начале XX в. в странах Юго-Восточной Азии. *Куббы* хранят живую память культурной истории

¹ Rodionov M. Wādī Hadramawt as a landscape of death and burial // Death and Burial in Arabia and Beyond. Multidisciplinary perspectives. Ed. By Lloyd Weeks. BAR International Series 2107. 2010. P. 341–345. (Serie: Society for Arabian Studies Monographs, 10).

Хадрамаута, а уникальный 40-метровый минарет и мечеть *сейида* Омара ал-Михдара ас-Саггафа (XV в.), построенные в 1914 г. из сырцового кирпича в хадрабийском стиле, облицованные знаменитой ослепительно белой блестящей известковой штукатуркой местного производства – *нурой*, входят в список главных архитектурных достопримечательностей Йемена.

Шафиитско-суфийская традиция Хадрамаута дала ростки в исламской культуре ЮВА – Малайзии, Сингапура и Индонезии, куда уже в средние века направлялись на морских судах местного производства хадрабийские мигранты и духовные лидеры, образуя землячества с высоким социальным и экономическим статусом. Они хранили исходную культурную идентичность, отличались внутренней солидарностью и поддерживали регулярные культурные и родственные контакты с родиной. В XX в. отмечались случаи массовой реэмиграции из-за политических изменений в странах-реципиентах ЮВА, направленных против иностранцев. Поэтому в этническом облике жителей Хадрамаута, кроме преобладающих в нем классических арабских черт, можно встретить характерные признаки коренных жителей ЮВА, а также Африки.

Вызов традиции: ирашадизм в Хадрамауте и его неожиданное продолжение

Первые проявления недовольства архаичными порядками и социальным неравенством, с которыми связывали экономические тяготы и отсталость, были индуцированы в Хадрамаут из зарубежной диаспоры в Батавии (прежнее название Джакарты, Индонезия). В начале XX в. там появилось благотворительное общество (*джам'ийат ал-хейр*) для обучения детей хадрабийских мигрантов арабскому языку и исламским дисциплинам. Мекканский богослов шейх Ахмад ас-Суркати, работавший в нем в 1905 г., вмешался в спор, охвативший хадрабийские диаспоры Индии, Малайзии и Индонезии вокруг вопроса о правомерности брака женщины из страты *сада* (*шарифа*) с мусульманином-неарабом.

В фетве сейида Умара б. Салима ал-Аттаса содержалось порицание *шарифы* за нарушение ею исламского принципа *кафаа* (брачного соответствия), поскольку ее статус выше неараба и нехашимита. Только мужчинам *сада* разрешался выбор жен равных или ниже себя. Шейх Суркати рассудил иначе, не найдя в исламе подобных ограничений для мусульман [Кныш 1997, 149]. Точно такое же мнение выразил известный египетский реформатор Рашид Рида, добавив к своей фетве пространный комментарий, опубликованный в издаваемом им журнале «Манар» в 1905 г., назвав сейидскую интерпретацию известного хадиса о превосходстве Али над всеми мусульманами противоречащей принципу равенства всех мусульман независимо от происхождения и цвета кожи, поскольку «люди – отнюдь не рабы алидов» [Родионов 1994, 61].

Внутри Хадрамаута этот спор вызвал длительное противостояние учрежденной *сада* Алидской лиги с обществом Иршад – «Реформы и наставления» (*джамайят ал-ислах ва ал-иршад*), собравшим сторонников реформы. Иршадисты обвиняли *сада* в присвоении себе монополии на образование, в распространении невежества, а сторонники лиги упрекали иршадистов в бунтарстве и измене исламу. Критика обрядов посещения гробниц стала звучать даже в печатных книгах известных хадрамейских авторов, как например историка Салаха ал-Бакри (ум. 1993) и члена общества Иршад, автора «Политической Истории Хадрамаута», вышедшей в 1936 г. [Кныш 1997, 146–147].

Достигавшая порой высокого накала полемика двух направлений, тем не менее, придерживалась рамок соблюдения общих интересов мусульманской общины. В статье А. Кныша «Культ святых и исламский реформизм в Хадрамауте начала XX в.» приведен пример патриотической драматургии того времени – пьесы в стихах Али Ахмада Ба Касира «Хумам ау фи асимат ал-Ахгаф», навеянной реформаторскими идеями панисламизма. В ней проводилась мысль о необходимости преодоления иршадисто-алидских противоречий ради арабского единства и коллективной борьбы с отсталостью

[Knysh 1997, 151]. Инициатива реформы образования поддерживалась и большинством *сада* и *машаиух*. К 50-м годам XX в. в обоих султанатах Хадрамаута высшие духовные стра-ты активно сотрудничали с появившимися тогда специализированными государственными институтами в открытии начальных и средних школ. Тем не менее, иршадизм в форме критики алидской исключительности пустил глубокие корни, особенно, среди племен Хадрамаута, которые можно обнаружить и сегодня.

В 50–60-е годы некоторые средние школы Хадрамаута тайно способствовали распространению идей иршадизма среди учеников. Полемика вокруг причин социальной отсталости подготовила почву для восприятия молодежью также и идей социализма и насеризма, оказавших существенное влияние на развитие революционного процесса в Йемене. Модернистский дискурс стал включать задачу национального освобождения от британского колониализма как главное условие движения к прогрессу.

Один из выпускников хадрабийской средней школы в Гейль-Ба Вазире, сейид Фейсал ал-Атгас, стал одним из представителей яркой революционной плеяды Хадрамаута, следовавшей леворадикальным идеям маоизма. Он возглавил отделение Арабской социалистической партии в Мукалле (1965–1966), а в 1966 г. вошел в состав высшего руководства Национального фронта освобождения. 2 октября 1967 г. сейид Фейсал водрузил флаг революции над дворцом султана ал-Касири в Сейуне. В мае 1968 г. он провозгласил просуществовавшую всего два месяца Народно-Демократическую Республику Хадрамаут, упраздненную правительством Кахтана аш-Шааби из Адена [Petouris 2014, 38]. Занимая пост губернатора Хадрамаута после победы (1970–1973) Фейсал запретил *зияры*, преследовал строптивых представителей духовных элит и даже выступал за снос гробниц, включая святыни собственного рода [Petouris 2014, 38]. Свою карьеру он закончил после объединения ЙАР и НДРЙ вступлением в правящую партию ВНК, получив должность консультанта президента Салеха. Фейсал ал-Атгас умер в 2014 г., вернув

себе титул «сейид» и исламскую идентичность, до конца жизни оставаясь убежденным защитником социальных достижений НДРЙ [Petouris 2014, 39–40]. Среди основных революционных завоеваний НДРЙ он считал воспитание среди жителей Хадрамаута привычки «называть себя йеменцами», и приучение «махрийцев говорить на арабском» [Petouris 2014, 32].

Нефтяной бум в соседних странах Залива в 60-е годы повлек переориентацию потоков хадрамейских мигрантов в этот регион. По данным на 1985 г., в 10 городах Хадрамаута, на которые приходилось тогда около 70% всего городского населения провинции, доля мигрировавших мужчин трудоспособного возраста в достигала 40% [Серебров 1995, 440], причем не менее половины из них находилось на заработках в странах Залива. Массовая маятниковая миграция давала не только существенные доходы домохозяйствам и пополняла платежный баланс НДРЙ, но и служила каналом для широкого проникновения в Хадрамаут ваххабизма, доминировавшего в этих странах. В середине 1980-х гг., члены группы этнографических исследований в Хадрамауте в составе Советско-Йеменской комплексной Экспедиции СОЙКЭ (с 1991 г. – РОЙКЭ), включая авторов этих строк, наблюдали заметное оживление религиозного дискурса среди местной шафиитской молодежи с привлечением адептов ваххабизма, вернувшихся их стран Залива. Ваххабито-шафиитские противоречия в то время сглаживались их совместной критикой религиозной политики властей НДРЙ и общей заботой о скорейшем восстановлении обучения исламским дисциплинам детей в школах провинции. При этом они дружно признавали заслуги режима в создании всеобщей системы образования, достижения в сфере безопасности и правоохраны, другие позитивные изменения в социальной сфере.

Выходцы из Хадрамаута традиционно пользовались особым отношением со стороны властей КСА. Тысячи представителей хадрамейских духовных и племенных элит нашли там убежище после революции 1967 г., а практика выдачи саудовских паспортов пограничным племенам началась

еще при НДРЙ и усилилась в 1990-е гг. Такие семьи выходцев из Хадрамаута как Бин Ладен, Бин Махфуз, Букшан, ал-Амуди и др. по размерам состояний соперничают с богатейшими саудовскими семьями [Pritzkat 1999, 409]. На хадрамейских трудовых мигрантов в королевстве не распространялись санкции, введенные против остальных йеменцев странами Залива в 1990 г., повлекшие экстрадицию около миллиона йеменских мигрантов на родину¹. По свидетельству нашего респондента, мансаба Хурейды из рода ал-Атгас, послабления касались даже суфийских практик в хадрамейских землячествах на территории саудовского королевства, где для всех остальных приезжих действовал жесткий запрет на инородные религиозные практики.

Секуляризм властей НДРЙ не вызвал появления «цивилизационного разрыва» в массовой культуре населения Хадрамаута. Пятничные богослужения, посещение мечетей, свободное соблюдение ими особых религиозных обрядов, участие в *зиярах*, из которых властями были отсечены лишь элементы, связанные с подчеркиванием исключительности статуса духовной аристократии, позволили сберечь уникальное исламское ядро его древней культурной традиции.

Социальные реформы в НДРЙ принесли заметное улучшение социального статуса не только зависимым стратам, но и женщинам, а также племенам, расширив для всех доступ к образованию и профессиям, ранее закрытым для них. Выходцы из племен осваивали административные должности, смогли принимать более активное участие в трудовых миграциях (*махджар*), без опасений оставляя свои семьи под защитой соплеменников и государственных институтов безопасности, исключивших вспышки хронических кровавых

¹ Report No. 102151-ye the republic of yemen. Unlocking the Potential for Economic Growth. A Country Economic Memorandum Middle East and North Africa Region Macroeconomics and Fiscal Management Global Practice // The World Bank. Oct. 2015 С. 6. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/23660/Yemen00Republi00for0economic0growth.pdf?sequence=1>.

племенных усобиц. В 80-х годах действовали выплаты государственных пособий имамам мечетей, а высшие представители власти НДРЙ демонстрировали заботу о положении *алимов*, устраивая им официальные приемы, быстро восстанавливая позиции своей страны в международных арабских и исламских организациях и фондах и меняя ее цивилизационный имидж на привычный. После пережитого в 1986 г. острого кризиса в высшем эшелоне власти, генеральным секретарем ЙСП и председателем Верховного совета НДРЙ стали выходцы из *сада* Хадрамаута – Али Салем ал-Бид и Хейдар ал-Аттас.

Во второй половине 80-х гг., работая в СОЙКЭ, мы имели возможность наблюдать с каждым новым полевым сезоном быстрое восстановление архитектурных объектов культа всего Хадрамаута – мечетей, мавзолеев (*кубб*) и даже такого крупного сакрального комплекса, как Кабр Худ. Кроме культовых зданий и объектов на территории комплекса находились десятки жилых зданий для размещения паломников во время *зияр*. Целый городок, пустовавший в остальное время года, не имея никаких постоянных жителей, под охраной местного племени пополнялся новыми сооружениями. Цвет главного мавзолея и мечетей Кабр Худ тоже менялся от желтовато-бурого оттенка, характерного для старой облицовки к ослепительно белому цвету свежей *нуры*. Сильно искаженные представления о влиянии «безбожной власти» НДРЙ на положение ислама в южной части страны выступили одним из пропагандистских приемов для оправдания атак радикального крыла партии Ислах против ЙСП, нанесших серьезный ущерб всему национальному проекту.

Хадрамаут в составе единого Йемена: политика и конфликт идентичностей

После гражданской войны 1994 г. весь Юг был охвачен политикой ретрайбализации, сопровождавшейся восстановлением не только институтов племенного уклада – *габйала*, но и политических функций вождей племен, нежелательных для современного государства (например, связанных

с накоплением оружейных арсеналов). Массовая реституция недвижимости в пользу бывших владельцев, вернувшихся в Хадрамаут из вынужденной эмиграции, не улучшила социальное положение крестьянства. Под видом возрождения ислама и борьбы с наследием атеистического режима в Хадрамаут хлынул поток хорошо организованного и финансируемого прозелитизма партии Ислах. Многовековая локальная социокультурная традиция этой провинции оказалась перед лицом угроз нового типа со стороны враждебных исламистских течений, а ретроградные социальные реформы вызывали деградацию системы образования, здравоохранения, правозащиты и положения женщин. Превращение Хадрамаута в главного поставщика нефти в масштабах всего Йемена в середине 90-х годов не принесло выгод самим жителям провинции, поскольку вся прибыль уходила в Сану. В провинции обострялись экологические проблемы; дефицит воды и загрязнение источников углеводородами в районах промыслов вызывали болезни среди местных жителей, вынуждая их к переселению без адекватной компенсации. Местные племена отлучались от охраны иностранных нефтяных объектов с передачей их функций размещенным на их территориях военным командирам из родственных окружений правящих санских элит.

Приведенные ниже итоги трех выборов в парламент (1993, 1997 и 2003 гг.) иллюстрируют начавшиеся уже на рубеже 2000-х годов характерные изменения отношения жителей Хадарамauta к партии Ислах. На начальном этапе хадрамитцам импонировала откровенно исламистская повестка партии. На первых парламентских выборах в Йемене в 1993 г. они опередили другие провинции Юга по уровню ее поддержки, которая существенно превысила число голосов за правящую ВНК. Но хотя показатели поддержки южнойеменской ЙСП в Хадрамауте на тех выборах были ниже других провинций Юга, она все равно с большим отрывом опередила обе ведущие северойеменские партии, вместе взятые. Отражал ли относительный успех Ислаха в Хадрамауте уровень распространения салафито-ваххабитского течения на его территории или

выбор был следствием накопившихся ностальгических ожиданий населения, стало ясно лишь на последующих выборах.

Табл. 2. Распределение голосов за ведущие партии Йемена на парламентских выборах в 1993 г. в провинциях бывшей НДРЙ (% голосов).

Провинция	Ислах	ВНК	ИСП
Хадрамаут	17	15	33
Аден	6	6	42
Ляхдж	0	4	54
Абьян	5	19	54
Шабва	5	20	43
Махра	0	20	61

Источник: Yemen: 1993 parliamentary election. URL: <https://al-bab.com>.

Победа Севера в гражданской войне 1994 г. позволила Ислаху осуществить переход к более агрессивному продвижению своего влияния на Юге через мечети, религиозные колледжи и благотворительные общества, что было характерно для прозелитической тактики БМ. По итогам следующих парламентских выборов в 1997 г. Хадрамаут, хотя и по-прежнему лидировал среди южнойеменских провинций по уровню поддержки партии Ислах, дав ей 8 из 14 мест, полученных на Юге, но в распределении голосов наметился сдвиг в пользу правящей ВНК – 29%¹. В середине 1990-х президент Салех оказал помощь в основании в Тариме нового крупного суфийского университета «Дар Мустафа», в русле характерной для него политики создания противовесов своему потенциально опасному партнеру в лице партии Ислах. Аналогичная тактика применялась им и в отношении зейдитской общины на рубеже 2000-х годов, когда он пытался оспорить право Ислаха на контроль за системой образования. На последних состоявшихся в Йемене парламентских выборах в 2003 г. Хадрамаут дал уже 13 мест правящей партии ВНК и только 5 – партии Ислах².

¹ Share of the votes – Hadramawt // Yemen's parliamentary election, 1997. URL: <http://al-bab.com/albab-orig/albab/yemen/pol/election1997.htm>.

² Matsumoto Hiroshi. Yemen between Democratization and Prolonged Power. URL: www.jiia.or.jp/pdf/working_paper/h14_matsumoto-e.pdf. С. 10.

Последующая политическая динамика на Юге не оставляла сомнений в дальнейшем падении доверия жителей Хадрамаута к политике Саны в целом. Новым ориентиром для жителей Хадрамаута стало движение Хирак, оформившееся в 2007 г. В декабре 2007 г. лидер хадрамаутского отделения партии Ислах Ба Сурра пригрозил руководству партии перевести свою ячейку на сторону Хирак, если власти Саны не выполнят требований движения [Vonnefoy 2010, 58], поставив коллективные интересы и права южан выше партийной лояльности.

Большинство руководящих постов в ведущих фракциях Хирак занимали выходцы из Хадрамаута: основатель движения – Хасан Ба ‘Аум, официальный лидер движения с 2009 г., бывший генсек ЙСП – ал-Бид, один из лидеров «Каирской группы» (с участием Али Насера Мухаммада) – Хейдар ал-Атас и др. В июне 2013 г. в Хадрамауте возникла мощная племенная ассоциация «Коалиция племен Хадрамаута» (*тахалуф ал-габаил ал-хадрамайя*, или Тахалуф), основанная вождем племени хумум, шейхом Саадом б. Хабарейшем (ум. 2013). В декабре 2013 г. Тахалуф убило ее учредителя повлекло объявление о всеобщей мобилизации племен для запуска акции «Народная поступь Хадрамаута» (*ал-хабба аш-ша‘бийя ли-хадрамаут*), распространившаяся также в другие южные провинции. Целью кампании была очистка Хадрамаута от силовых структур и чиновников Севера, перевод охраны стратегических объектов на территории провинции под контроль племен и организация собственных служб безопасности. В условиях военной кампании АК в 2017 г. Тахалуф принял активное участие в работе Хадрамаутского конгресса¹.

Новый крупный религиозный центр «Дар Мустафа», основанный харизматичным представителем хадрамейской духов-

¹ Мубурак С. б. Хабарейш: моука’ баваба бетромасила расамат тахаввулан фи тарих хадрамаут: аз-зикра ас-садиса ли-нтилак ал-хабба аш-шаабийя [Бин-Хабарайш: ворота Петромасила стали поворотным пунктом истории Хадрамаута: к шестой годовщине начала Народной поступи] // Ал-йоум араби’а, 22.12.2019. URL: <http://alyoumalrabeaenews.net/2019/12/22>.

ной аристократии Хабибом Омаром б. Хафизом (род. 1963) из сейидского рода Бин Шейх Бу Бакр был открыт в Тариме в 1997 г. и быстро завоевал широкую популярность в провинции и международное признание. Сразу было открыто и его женское отделение. В считанные годы «Дар Мустафа» завоевал репутацию одного из лучших религиозных образовательных учреждений Йемена, куда мечтают направить своих детей не только йеменцы, но состоятельные члены хадрамейских зарубежных диаспор, в том числе проживающие в странах ЮВА [Brehony 2017]. Он содействует возрождению коренных хадрамейских шафиитско-суфийских традиций, возвращению Хадрамауту роли одного из ведущих исламских центров мусульманского мира. Деятельному настоятелю университета уже с первых шагов не составило труда убедиться, что ни *зияра* Кабр Худ, ни прочие религиозные традиции Хадрамаута не были стерты за время правления ЙСП, но остались в живом обиходе жителей провинции [Knysh 2018, 216]. Гораздо большая угроза над ними нависла со стороны прозелитической деятельности партии Ислах, усиленной влиянием соседнего королевства через активистские группировки, с которыми были солидарны джихадисты, проявлявшие нетерпимость к суфийским традициям Хадрамаута.

Среди иностранных студентов «Дар Мустафа» было немало европейцев, которые способствовали распространению через интернет лекций и проповедей Хабиба Омара с переводом их на английский язык¹. Большое внимание Хабиб Омар уделяет учреждению и работе новых суфийских рибатов в городах Хадрамаута, лично курирует Рибат ал-Мустафа в Шихре и Джамиат ал-Ахгаф в Мукалле. В своих публичных выступлениях он побуждает верующих к участию в паломничестве в Кабр Худ, торжествах по случаю дня рождения Пророка и праздника Ночного вознесения (*ал-исра ва ал-ми'радж*) [Knysh 2001, 405], порицаемых адептами салафито-ваххабитского учения. В одном из интервью Хабиб Омар подтвердил, что его «кроткий» подход к исла-

¹ A Brief Biography of Habib Umar. 07.03.2011. URL: <http://www.alhabibomar.com/About.aspx?Lang=EN&SectionID=12&RefID=4>.

му имеет врагов в Хадрамауте¹. Радикальные салафиты презрительно называют суфиев «могилопоклонниками» (*кабарийун*), «рабами суеверий» (*асхаб ал-хуруфат*), для них алидский тарикат является проявлением «семейного бизнеса, с помощью которого главы семей завуалированно подчиняют не-сейидских членов общины своей воле, принуждая их к участию в еретических и устаревших обрядах» [Knysh 2018, 218]. Даже в мирное время атаки на суфийские святыни в Тариме и других городах Хадрамаута требовали от общины принятия мер по их охране, поскольку государство оставалось в стороне.

Иллюстрацией к характеру влияния со стороны салафито-ваххабитского течения на почвенную хадрабийскую религиозную традицию служит показательный пример «сейидской политкорректности», когда из переизданного в соседнем королевстве труда одного из средневековых хадрабийских авторов были опущены фрагменты с описанием творимых им сверхъестественных чудес и экстатических состояний по причине нарушения ими «чистого смысла благородного шариата» и создания помех правильному восприятию «в остальном полезного текста». «В результате, – заключает авторитетный американский исламовед с российскими корнями, Александр Кныш, – мы имеем образец кастрированной (и абсолютно бесполезной для анализа) версии типичного источника *сейидской* историографии» [Knysh 1997, 155].

Некоторые авторы сравнивают аполитичный религиозный учебный центр «Дар Мустафа» с салафитским университетом «Дар ал-Хадис» в Даммадже, указывая на них в качестве примеров современного квиетистского ислама [Knysh, 2018, 212]. Однако, в остальном роль этих учреждений в контексте локальной культурной среды составляет полную противоположность. Салафизм в Даммадже конкурировал с коренной зейдитской традицией, отвоевывая у нее аудиторию, безжалостно используя обличительную лексику в духе *такфира*, чтобы раз и навсегда искоренить вековые

¹ Worth, Robert F. Crossroads of Islam, Past and Present // NYT, Oct. 14, 2009. URL: <https://www.nytimes.com/2009/10/15/world/middleeast/15yemen.html>.

локальные традиции. Доходило и до насилия, пример чему приводит антрополог и автор интересной монографии о племенах Саады Шейла Вейер: «При подготовке к празднованию *‘Ид ал-Гадир* (прощальной проповеди Мухаммада. – *Прим. авт.*) в 1992 г. ваххабиты провели неистовую кампанию против зейдитского праздника, а в главных мечетях наблюдались вооруженные противостояния»¹.

«Дар Мустафа» в Тариме, напротив, действует в духе укрепления исконной шафиитско-суфийской традиции Хадрамаута, имеющей приверженцев среди большинства его жителей, защищая ее от атак прозелитического течения салафизма. В специальных учебных планах «Дар Мустафа» стоит изучение местной агиографической и просопографической литературы, посвященной истории Хадрамаута через жизнеописание ее общественных и религиозных деятелей, *аулийа*, таких как Али ал-Хабши, Абдалла ибн Алави ал-Хаддад, Шейх Абу Бакр ибн Салим и Омар ал-Аттас [Knysh 2001, 409–411]. Передача религиозной традиции здесь подчинена укреплению самобытной хадрабийской культурной идентичности, воспитанию гордости жителей за свою славную и древнюю историю в контексте укрепления солидарности с самыми массовыми мусульманскими общинами в странах ЮВА. Задачи центра «Дар ал-Хадис» в Даммадже были едва ли не противоположными по отношению к местной традиции и местным общинам.

Через три дня после объявления военной кампании Саудовской Аравией в Йемене Хабиб Омар произнес проповедь под названием «Пророческие напутствия в години испытаний», в которой назвал войну «атакой некоторых стран против некоторых групп в Йемене, несущей ему тяжелые испытания. Большинство вовлеченных в войну участников обладает мощью и на словах стремится к неким целям, которые заставили их взяться за оружие. Но люди, вовлеченные в эту битву, отнюдь не превращают Слово Аллаха в трансцендентное. У них нет никаких намерений утвердить Сунну Мухаммада.

¹ Weir, Shelagh. A Clash of Fundamentalisms // Middle East Report, No. 204 (Fall 1997). URL: <https://merip.org/1997/09/a-clash-of-fundamentalisms>.

Ими не руководит милость к сиротам и нуждающимся. Их Бог лучше знает, чего они хотят на самом деле»¹.

Влияние военного вмешательства АК на салафитско-суфийское противоборство в Хадрамауте

Хадрамаут остался вне зоны прямых военных действий АК т.к. на его территории никогда не было хуситов, которым была официально объявлена война. Основным проявлением конфликта на его территории стал взлет политического активизма джихадистов из группировки Ансар аш-Шариа, захватившей в апреле 2015 г. сначала тюрьму и отделение Центрального банка в главном административном центре провинции Мукалле, а затем и все города побережья Хадрамаута, удерживая их под своим контролем весь первый год военной кампании – до апреля 2016 г. Этот эпизод остается одной из самых темных страниц йеменского конфликта, вызывая подозрение в симпатии к ним командования АК. Используя накопленный в 2011–2012 гг. опыт в Абъяне и Лахдже², главарь этой группировки переименовали свою структуру в Хадрамауте в «Сыны Хадрамаута» («*Абна Хадрамаут*»), пытались найти лояльных участников для своих административных советов среди местных племен и партий. Целый год они осуществляли управление, вели сбор налогов, регулировали хозяйственную жизнь контролируемых территорий, участвовали в нефтяном бизнесе и торговле катом. Лояльные террористам радикальные салафитские проповедники захватили почти все мечети Мукаллы, Шихра и др. городов прибрежной полосы, жестко преследовали суфиев, уничтожая и закрывая их сакральные места [McDonnell A. etc. 2017, 7]³.

¹ Umar Habib. Prophetic Guidance in Times of Tribulation. 31.03.2015. URL: <https://muwasala.org/2015/03/31/prophetic-guidance-in-times-of-tribulation>.

² См.: Simcox R. Ansar al-Sharia and Governance in Southern Yemen // Hudson Institute, 27.12.2012. URL: <http://www.hudson.org/research/9779-ansar-al-sharia-and-governance-in-southern-yemen>.

³ См. Также: Horton M. The Hadramawt: AQAP and the Battle for Yemen's Wealthiest Governorate // Terrorist Monitor, Vol. 13 Issue 14. July 2015. URL: <https://jamestone.org./program/the-hadramawt-aqap-and-the-battle-for-yemen-wealthiest-government>; Siyech M.S. Recapturing Mukalla: AQAP in

Действуя в режиме «альтернативы хаосу», они оправдывали свои репрессивные действия защитой населения от «иранских хуситов», тем самым выставляя себя союзниками АК.

В апреле 2016 г. йеменский спецназ эмиратского фланга АК принудил около трех тысяч боевиков «Абна Хадрамаут» уйти с занимаемых территорий, освободив их для своей собственной административной системы, альтернативной утратившей доверие населения МПП. Спецслужбы «Пояс безопасности» и «Хадрабийская элита» (*хизам ал-амний* и *нухба хадрабийя*) эмиратского фланга были встроены в структуры ЮПС. В апреле 2017 г. бывший губернатор Хадрамаута генерал Ахмад бин-Брейк инициировал созыв в Мукалле съезд депутатов от всех уездов провинции для учреждения Хадрамаутского конгресса (*хадрамаут ал-джамийа*), в котором принял участие также племенной союз Тахалуф. Резолюция Хадрамаутского конгресса ориентировала жителей на создание системы самоуправления с опорой на эмиратский фланг АК [Серебров 2018, 215–216]. В 2018 г. Хадрамаутский конгресс примкнул к ЮПС, что было воспринято саудовским флангом как прямой вызов своим интересам в Йемене. Внутренний Хадрамаут, где находятся нефтяные месторождения, а также города Сейун, Тарим, Шибам и Катн, часто фигурирующие в сводках террористических атак, стали превращаться в плацдарм для размещения саудовским флангом АК не только армейских частей, лояльных генералу Али Мохсину, но и иностранных опорных пунктов. То же явление наблюдалось в соседней с Хадрамаутом провинции Махра, граничащей с Оманом.

По состоянию на ноябрь 2020 г. группировки, связанные с АКАП сохраняли влияние на обширных территориях пустынных районов восточного Хадрамаута и вблизи стратегической трассы, связывающей Мукаллу с провинцией Шаб-

ва на западе¹, но никаких активных операций против этих баз со стороны командования АК не наблюдалось. Конкуренция и глубокие противоречия между двумя флангами АК тормозят решение проблемы власти на Юге, без чего ликвидация террористических угроз в этой части страны крайне маловероятна.

Декларируемая обоими соперничающими флангами АК враждебность к «хуситам» неодинакова по своей природе. В основе политики ЮПС лежит задача отделения Юга от Севера, независимо от того в чьих руках находится власть в Санае, а вопрос участия южан в кампании против хуситов стал частью политической сделки с АК. Для партии Ислах в составе МПП, наоборот, условием движения к политическому реваншу на Севере является только капитуляция СА. Это побуждает ее изыскивать пути к наращиванию военных сил АК за счет подключения южан, одновременно добиваясь закрепления своих резервных позиций на Юге на случай передислокации сил с оставшихся под его контролем плацдармов во фронтовых зонах Севера.

Еще в апреле 2020 г. ЮПС заявил о намерении осуществить перевод Юга в режим автономного управления² и, хотя это решение несколько раз менялось в течение года, проект имеет все шансы на превращение в стратегический курс ЮПС и всех других фракций Хирака. Появление в декабре 2020 г. нового кабинета министров с миноритарным участием ЮПС, по-видимому, не сможет остановить развитие ситуации на Юге в этом направлении.

Поскольку логика Риядских соглашений увязывает формирование нового правительства Маина Абд ал-Малика лишь с попыткой консолидации южан на «антихуситской» платформе с целью укрепления фронтов на Севере за счет

¹ Yemen Control Map & Report, October 31, 2020 // Political Geography Now. URL: <https://www.polgeonow.com>.

² Хейат риасат ал-маджлис ал-интикали ал-джанубий та'каду иджтима'ан тари'ан ва тасдуру байнан хамман [Президиум ЮПС собирается на экстренное заседание и принимает важное заявление] // STC, 25.04.2020. URL: <https://stcaden.com/news/11793>.

южан, все тенденции к дезинтеграции Юга, по-видимому, только окрепнут. Этот вывод дает основание прогнозировать дальнейшее возрастание роли социокультурных факторов в зоне конфликта с перемещением эпицентра борьбы в Хадрамаут, где набирает обороты неотрадиционное течение, аналогичное хусизму. Оно ориентированно на защиту местной культурной идентичности с большим потенциалом привлечения транснациональной поддержки от своих влиятельных соотечественников в составе зарубежных диаспор и единомышленников из мусульманских регионов мира. Направляемая «мягкой силой» динамика развития ситуации обнаруживает мощные стимулы для скорейшего прекращения этой зашедшей в тупик войны, для перехода к мирному национальному диалогу, который по убеждению большинства международных экспертов, является единственным способом урегулирования кризиса и восстановления системы международной безопасности в этом стратегическом регионе Аравии.

ЛИТЕРАТУРА

Наумкин В.В. Глубоко разделенные общества Ближнего и Среднего Востока: конфликтность, насилие, внешнее вмешательство // *Вестник Московского университета. Сер. 25: Международные отношения и мировая политика*. 2015, № 1. Р. 66–96.

Родионов М.А. Можно ли отменить социальные страты? Уроки Хадрамаута // *Ранние формы социальной стратификации: генезис, историческая динамика, потестарно-политические функции: (Памяти Л.Е. Куббеля) / Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; М.: Наука, 1993. С. 321–327.*

Родионов М.А. Этнография Западного Хадрамаута: общее и локальное в этнической культуре. М.: Вост. лит., 1994. 234 с.

Серебров С.Н. Аравийское измерение йеменского кризиса // *Аравийский мир в русле текущей политики // Труды ИВ РАН*. Вып. 16, 2018. С. 214–224.

Серебров С.Н. Военный конфликт и идеологическая борьба в Йемене // *Ближний Восток в поисках политического будущего / Отв. ред. А.В. Сарабьев. М.: ИВ РАН, 2019. С. 272–318.*

Серебров С.Н. Йемен // Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия: что дальше? / Отв. ред. В.В. Наумкин В.В. Попов, В.А. Кузнецов. М.: ИВ РАН, 2012. С. 259–304.

Серебров С.Н. Йемен: национальный диалог и проблема сепаратизма Юга // *Оценки и идеи: (Бюллетень ИВ РАН)*. Том 1, № 5. Июль 2014. 20 с.

Серебров С.Н. Опыт количественного анализа половозрастного состава населения 10 городов Хадрамаута // Хадрамаут: Труды Советско-йеменской комплексной экспедиции / Отв. ред. П.А. Грязневич; А.В. Седов. М.: Восточная литература, 1995. Т. 1. С. 433–441.

Серебров С.Н. Революция и конфликт в Йемене // Конфликты и войны XXI в.: Ближний Восток и Северная Африка / Отв. ред. В.В. Наумкин Д.Б. Малышева. М.: ИВ РАН, 2015. С. 277–334.

Серебров С.Н. Хадрамаут как социокультурный феномен // *Культура Аравии в Азиатском контексте: Сборник статей к 60-летию М.А. Родионова*. СПб.: Петербургское востоковедение, 2006. С. 27–48.

Царегородцева И.А., Ибрагимов И.Э. Современный салафизм: генезис, историография и типология движения (на примере Египта и Туниса) // *Исламоведение*. 2018. Т. 9, № 3. С. 5–18.

Аззан Мухаммад Яхья. Ас-сахаба 'инда зейдийа [Сподвижники в зейдизме]. Сана: Марказ ат-турас ва ал-бухус ал-йаманийа [Центр культурного наследия и йеменских исследований], 2015. 296 с. (На арабском яз.)

Bonnefoy L.; Poirier M. The Yemeni Congregation for Reform (Al-Islah): The Difficult Process of Building a Project for Change [Book Section] // *Returning to Political Parties? Partisan Logic and Political Transformations in the Arab World* / ed. M. Catusse; K. Karam. Beyrouth, 2010. P. 61–99. URL: [https:// books.openedition.org/ifpo/1075](https://books.openedition.org/ifpo/1075).

Brehony N. (ed.). Hadhramaut and its Diaspora. Yemen Politics, Identity and Migration. London-New York: I.B. Tauris, 2017. P. 254.

Bruck, Gabriele vom. Being a Zaydi in the absence of an Imam: doctrinal revisions, religious instruction and the (re-)invention of ritual // *Le Yemen contemporain* / eds. Leveau L. Mermier F., Steinbach U. Paris: Karthala, 1999. P. 169–192.

Douglas J.L. Free Yemeni Movement, 1935–1962. Beirut: American University of Beirut, 1987. 287 p.

Dresch P. A History of Modern Yemen. Cambridge University Press, 2000. 285 p.

Dresch P. Tribes, Government and History in Yemen. Oxford University Press, 1993. 440 p.

Gierer A. Ibn Khaldun on Solidarity («Asabiyah») – Modern Science on Cooperativeness and Empathy: A Comparison // *Philosophia Naturalis*. 2001. Vol. 38. P. 91–104.

al-Hamdani Raiman, Lackner Helen. War and pieces: political divides in southern Yemen // ECFR January 2020. URL: www.ecfr.eu/page/-/war_and_pieces_political_divides_in_southern_yemen.pdf.

Hamzawy, Amr. Between Government and Opposition: The Case of the Yemeni Congregation for Reform // Carnegie Middle East Center, 2009. Vol. 18, Nov. 2009. 25 p. URL: https://carnegieendowment.org/files/yemeni_congregation_reform.pdf.

Haykel B. Rebellion, Migration or consultative democracy? The Zaydis and their detractors in Yemen // *Le Yemen contemporain* / ed. by Leveau L. Mermier F., Steinbach U. Paris: Karthala, 1999. P. 193–202.

Haykel B. Revival and Reform in Islam. The legacy of Muhammad al-Shawkani. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 284 p.

Hezam A. al-Yemeni. The Dynamic of Democratisation – Political Parties in Yemen. Bonn, 2003. 89 p. URL: <https://library.fes.de/pdf-files/iez/01459.pdf>.

Knysh A. Sufism's recent trajectories (what lies behind the sufi-salafi confrontation?) // *Sufism: A New History of Islamic Mysticism*. Princeton University Press, 2018. P. 176–230.

Knysh A. The cult of saints and Islamic reformism in early twentieth century Hadramawt // *New Arabian Studies*. 1997. Vol. 4. P. 139–159.

Knysh A. The Tariqa on a Landcruiser: the resurgence of sufism in Yemen // *Middle East Journal*. Summer, 2001. Vol. 55, No. 3. P. 399–414.

McDonnell A., Burbidge H., Salloum Y.Z. Addressing Jihadi-Salafism in Yemen: The Role of Religion and Community in the Midst of Civil War / International Centre for Religion and Diplomacy (USA). Washington: ICRD, 2017. P. 34. URL: <https://icrd.org/wp-content/uploa>.

Pandya S. Religious Flexibilities of Older Yemeni women in Sanaa // *Journal of Middle East Women's Studies*. Spring 2014, Vol. 10, No. 2. P. 52–79.

Petouris Th. Faysal al Attas, the Maoist Sayyid // *British-Yemeni Society Journal*. 2014, Vol. 22. P. 32–40. URL: https://www.academia.edu/8836217/Faysal_al_Attas_The_Maoist_Sayyid.

Pritzkat Th. The community of Hadrami migrants in Saudi Arabia and the rationale of investing in the homeland // *Le Yemen contemporain* / ed. Leveau L. Mermier F., Steinbach U. Paris, 1999. P. 399–418.

Rabasa A., Benard Ch., Schwartz L.H., Sickle P. Building moderate Muslim networks / RAND Corporation monograph series, Center for Middle East Public Policy. 2007. URL: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/monographs/2007/RAND_MG574.pdf.

Reese S.S. Salafi Transformations: Aden and the changing voices of religious reform in the interwar Indian ocean // *International Journal of Middle East Studies*. 2012. Vol. 44, Issue 1. P. 71–92. URL: <https://www.cambridge.org/core/services/aop-cambridge-core/content/view/BF8842EFB0F>.

Rodionov M. Social Restratisation in Modern Hadramawt // *Quaderni Di Studi Arabi*. 2006. Vol. 1. P. 181–190. URL: <http://www.jstor.org/stable/25802994>.

Rodionov M. The Western Hadramawt: Ethnographic Field Research, 1983–91 // *Orientwissenschaftliche Hefte*. Halle: Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg, 2007. P. 307.

Salmoni B.A., Loidolt B. and Wells M. Regime and periphery in Northern Yemen: the Huthi phenomenon. RAND, 2010. P. 412. URL: <https://www.rand.org/pubs/monographs/MG962.html>.

Serjeant R.B. *The Saiyids of Hadramawt: (An inaugural lecture delivered on 5 June 1956)*. London: School of Oriental and African Studies, University of London, 1957. URL: <https://digital.soas.ac.uk/content/AA/00/00/07/65/00001/AA00000765.pdf>.

REFERENCES

Naumkin V.V. (2015) Gluboko Razdelennye Obschestva Blizhnego i Srednego Vostoka: konfliktnost, nasiliye, vneshneye vmeshatelstvo (The deeply divided societies of the Near and Middle East region: conflict, violence, foreign interference). *Vestnik MGU*. Vol. 25, No. 1. Pp. 66–96. (In Russian)

Rodionov M.A. (1993) *Mozhno li Otmenit Sotsialniye Strati? Uroki Hadramauta. Rannie formy sotsial'noi stratifikatsii: genesis, istoricheskaya dinamika, potestarno-politicheskie funktsii: Pamiati L.E. Kubbelia (Early*

forms of social stratification: genesis, historical dynamics, potestarno-political functions: In memory of L.E. Kubbel). Moscow, Nauka. (In Russian)

Rodionov M.A. (1994) *Etnografiya Zapadnogo Hadramauta: obschee i lokalnoye v etnicheskoy kulture (The Ethnography of the Western Hadramawt: common and local in an ethnic culture)*. Moscow, Vostochnaia literatura. (in Russian)

Serebrov S.N. (2018) Araviyskoye izmereniye yemenskogo krizisa (Arabian dimension of Yemeni Crisis). *Trudy IV RAN. Issue 16: Arabskii mir v rusle tekushchei politiki*. Moscow. Pp. 214–224. (In Russian)

Serebrov S.N. (2019) Voyenniy konflikt i ideologicheskaya borba v Yemene. *Blizhnii Vostok v poiskakh politicheskogo budushchego (Ближний Восток в поисках политического будущего)*. Ed. by A.V. Sarabiev. Moscow, IOS RAS. Pp. 272–318. (In Russian)

Serebrov S.N. (2012) Yemen. *Blizhnii Vostok, Arabskoe probuzhdenie i Rossiia: chto dal'she? (The Middle East, Arab Awakening, and Russia: What's Next?)*. Ed. by V.V. Naumkin V.V. Popov, V.A. Kuznetsov. Moscow, IOS RAS. Pp. 259–304. (In Russian)

Serebrov S.N. (2014) Yemen: natsionalniy dialog i problema separatizma Yuga (Yemen: the National Dialogue and separatism problem in the South). *Otsenki i Idei. Bulletin of IOS RAS*. Vol. 1, No. 5. (In Russian)

Serebrov S.N. (1995) Opit Kolichestvennogo analizapolovozrastnogo sostava naseleniya 10 gorodov Hadramauta. *Khadramaut: Trudy Sovetskoiemenskoi kompleksnoi ekspeditsii (Hadramaut: Proceedings of the Soviet-Yemeni Joint Expedition)*. Ed. by P.A. Griaznevich; A.V. Sedov. Moscow, Vostochnaia literatura. Vol. I. Pp. 433–441. (In Russian)

Serebrov S.N. (2015) Revolutsia i Konflikt v Yemene. *Konflikty i voyny XXI v.: Blizhnii Vostok i Severnaia Afrika (Conflicts and Wars of the 21st Century: Middle East and North Africa)*. Ed. by V.V. Naumkin, D.B. Malysheva. Moscow, IOS RAS. Pp. 277–334. (In Russian)

Serebrov S.N. (2006) Hadramaut kak sotsiokulturniy fenomen. *Kul'tura Aravii v Aziatskom kontekste: Sbornik statei k 60-letiiu M.A. Rodionova (The culture of Arabia in the Asian context: Collection of articles for the 60th anniversary of M.A. Rodionov)*. Saint Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie. Pp. 27–48. (In Russian)

Tsaregorodtseva I.A., Ibragimov I.E. (2018) Sovremenniy Salafizm: genezis, istoriografiya i tipologiya dvizheniya (na primere Egipta i Tunisa) (The Modern Salafism: genesis, historiography and typology of

the movement (Egypt and Tunisia cases). *Islamovedeniye*, Vol. 9, No. 3. Pp. 5–18. (In Russian).

Azzan Muhammad Yahiya (2015). *As-Sahaba 'inda Zaydiya (The Companions (of the Prophet) in Zaidism)*. Sanaa. (In Arabic)

Bonnefoy L., Poirier M. (2010) *The Yemeni Congregation for Reform (Al-Islah): The Difficult Process of Building a Project for Change*. Beyrouth.

Brehony N. (ed.). (2017) *Hadhramaut and its Diaspora. Yemen Politics, Identity and Migration*. London, New York.

Bruck G. vom. (1999) Being a Zaydi in the absence of an Imam: doctrinal revisions, religious instruction and the (re-)invention of ritual. *Le Yemen contemporain*. Ed. by Leveau L. Mermier F., Steinbach U. Paris, Karthala. Pp. 169–192.

Douglas J.L. (1987) *Free Yemeni Movement, 1935–1962*. Beirut.

Dresch P. (2000) *A History of Modern Yemen*. Cambridge University Press.

Dresch P. (1993) *Tribes, Government and History in Yemen*. Oxford University Press.

Gierer A. (2001) Ibn Khaldun on Solidarity (“Asabiyah”) – Modern Science on Cooperativeness and Empathy: A Comparison. *Philosophia Naturalis*. Vol. 38. Pp. 91–104.

Al-Hamdani R., Lackner H. (2020) *War and Pieces: Political Divides in Southern Yemen*. ECFR.

Hamzawy, Amr. (2009) Between Government and Opposition: The Case of the Yemeni Congregation for Reform. *Carnegie Middle East Center, 2009*. Vol. 18.

Haykel B. (1999) Rebellion, Migration or consultative democracy? The Zaydis and their detractors in Yemen. *Le Yemen contemporain*. Ed. by Leveau L. Mermier F., Steinbach U. Paris, Karthala. Pp. 193–202.

Haykel B. (2003) *Revival and Reform in Islam. The legacy of Muhammad al-Shawkani*. Cambridge University Press.

Al-Yemeni H.A. (2003) *The Dynamic of Democratisation: Political Parties in Yemen*. Bonn.

Knysh A. (2018) *Sufism's recent trajectories (what lies behind the sufi-salafi confrontation?)* Princeton University Press.

Knysh A. (1997) The cult of saints and Islamic reformism in early twentieth century Hadramawt. *New Arabian Studies*. Vol. 4. Pp. 139–159.

Knysh A. (2001) The Tariqa on a Landcruiser: the resurgence of sufism in Yemen // *Middle East Journal*. Summer, Vol. 55, No. 3. Pp. 399–414.

McDonnell A., etc. (2017) *Addressing Jihadi-Salafism in Yemen: The Role of Religion and Community in the Midst of Civil War*. Washington.

Pandya S. (2014) Religious Flexibilities of Older Yemeni women in Sanaa. *Journal of Middle East Women's Studies*. Vol. 10, No. 2. Pp. 52–79.

Petouris Th. (2014) Faysal al Attas, the Maoist Sayyid. *British-Yemeni Society Journal* Vol. 22. Pp. 32–40.

Pritzkat Th. (1999) The community of Hadrami migrants in Saudi Arabia and the rationale of investing in the homeland. *Le Yemen contemporain*. Ed. by Leveau L. Mermier F., Steinbach U. Paris, Karthala. Pp. 399–418.

Rabasa A., etc. (2007). *Building moderate Muslim networks*. RAND Corporation monograph series.

Reese S.S. (2012) Salafi transformations: Aden and the changing voices of religious reform in the interwar Indian ocean. *International Journal of Middle East Studies*. Cambridge University Press. Vol. 44, Issue 1. Pp. 71–92.

Rodionov M. (2006) Social Restratisation in Modern Hadramawt. *Quaderni Di Studi Arabi*. Vol. 1. Pp. 181–190.

Rodionov M. (2007) The Western Hadramawt: Ethnographic Field Research, 1983–91. *Orientalwissenschaftliche Hefte*. Halle, Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg.

Salmoni B.A., etc. (2010) *Regime and periphery in Northern Yemen: the Huthi phenomenon*. RAND Corporation monograph series.

Serjeant R.B. (1957) *The Saiyids of Hadramawt: (An inaugural lecture delivered on 5 June 1956)*. London, School of Oriental and African Studies, University of London.